ЕВГЕНИЙ «КРАЕВ» КОСТЮЧЕНКО

РУССКИЕ БАНДЫ АМЕРИКИ

Евгений "Краев" Костюченко

Русские банды Америки

«Автор»
2026

"Краев" Костюченко Е.

Русские банды Америки / Е. "Краев" Костюченко — «Автор», 2026

Двое друзей из Одессы, оказавшись на берегах Гудзона, увидели совсем не ту Америку, о которой писал их любимый Фенимор Купер. Они столкнулись с жестоким миром трущоб и кровавыми законами Дикого Запада. И вышли победителями в этой схватке - а иначе и не стоило покидать родной берег.

© "Краев" Костюченко Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Евгений «Краев» Костюченко 5
Русские банды Нью-Йорка 6
Пролог. Нью-Йорк, 1885 или 1886 год. 6
Часть первая. Курс молодого бандита 7
1. Проводы Остерманов 7
2. Нью-Йорк 13
3. Снова в океане 20
4. В гостях у честных китобоев 26
5. Дюны 32
6. Вагон идет на запад 38
7. Техас 42
8. В пустыне становится тесно 47
9. Ночь у костра 51
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Евгений "Краев" Костюченко
Русские банды Америки

Евгений «Краев» Костюченко

Русские банды Нью-Йорка

Пролог. Нью-Йорк, 1885 или 1886 год.

Публика в зале суда едва не заснула, пока обвинитель нудно рассуждал о проблемах этнической преступности. По его мнению, формулировка «русские банды» искажала суть дела: то, что банду возглавляли русские иммигранты, не означало, будто все ее члены были соотечественниками. Затем прокурор перешел к обвинению, и слушатели воспряли духом – сегодня они впервые смогли узнать, что, собственно, совершили эти два симпатичных парня с кандалами на руках и ногах.

Обвинитель принялся монотонно перечислять злодеяния обвиняемых.

Вооруженные ограбления – в хронологическом порядке. Вымогательство – по этой статье список потерпевших зачитывался по алфавиту. Захват морского судна в порту квалифицировался как присвоение чужого имущества, а точно такой же захват, совершенный в водах залива Делавэр – как пиратство. Погибшие члены команды с обеих шхун фигурировали в отдельном перечне.

Обвинитель страдал дефектами дикции, и публика скоро вновь перестала воспринимать его речь. Наконец, он перешел к заключительной части выступления, и все понемногу оживились, ожидая концовки.

Обвинитель произнес: «Электрокутирование», и подсудимые переглянулись.

– Не понял, – сказал Черный Испанец.

– Нас казнят на электрическом стуле, – перевел Потрошитель Банков.

– Да я не о том. – Черный Испанец сплюнул. – Я не понял: и стоило за этим уезжать из Одессы?

Часть первая. Курс молодого бандита

1. Проводы Остерманов

Чтобы уехать в Америку, нужно иметь много денег и много терпения. Деньги – заплатить пограничникам, железной дороге, пароходной компании. И, конечно, агенту. Терпение – чтобы выдержать пеший переход через горы и болота, тряску в вагоне третьего класса и духоту пароходного трюма. Не помешает также надежный желудок, способный две недели переваривать голландскую селедку, одну селедку и ничего кроме селедки – честный агент всегда предупредит другого еврея об особенностях пароходного меню.

Все это у Остермана было. Не оказалось только одного – фарта.

Уже на переходе австрийской границы Моисею Лазаревичу стало ясно, что с Америкой придется подождать. В тумане послышались чьи-то голоса, потом прозвучали выстрелы. Остерман схватил за руку жену и дочь, сыновья же сами оказались неглупыми мальчиками. Пока в тумане над границей продолжались выстрелы и крики, вся семейка оторвалась от попутчиков и быстренько зашагала обратно. Длинноусый гуцул на подводе довез их до станции, там они, дрожа от страха, дождались поезда – и вот, пожалуйста, вместо Бремена приехали обратно в Одессу.

На этом месте печальный рассказ Остермана был прерван удивленным вопросом Жоры Канделаки:

– Какого черта вам делать в Бремене? Пароходы на ту чертову Америку ходят из Либавы. Ты, Моисей, перехитрил сам себя.

Довольный тем, как удачно он щегольнул географическими познаниями, Жора победно глянул на своего образованного племянника, Кирилла Белова, который заканчивал гимназию.

– Из Либавы идут пароходы русской компании. А мой агент работал на Северо-Немецкий Ллойд, – пояснил Остерман.

– Тогда понятно, – саркастически усмехнулся Жора.

– Что тебе понятно?

– Понятно, что ты выбрал не того агента.

Агенты пароходных компаний сновали по всем западным губерниям, окучивая, в основном, молодых крестьян и убеждая их поехать в Америку, чтобы, вернувшись через год-другой, на заработанные деньги купить землю. Остерман был не молодым крестьянином, а старым слесарем, но и он хотел заработать – а почему нет? Листовки и брошюры агентов копились в его мастерской целый год, и он придирчиво выбирал самый разумный вариант. Вот и выбрал.

– Какая разница, Либава или Бремен? Теперь никакой разницы. – Остерман устало покачал головой. – Теперь вместо германского парохода нам нужен одесский баркас.

– И что? Прямо сейчас?

– Прямо сейчас и даже немного раньше, – сказал Моисей Лазаревич.

Жора Канделаки был удачливым рыбаком и еще более удачливым контрабандистом. Он понимал, что сосед явился к нему на ночь глядя не для того, чтобы сходить на баркасе за белугой или кефалью.

Понимал это и Кирилл. Сердце его забилось сильнее от мысли, что, возможно, ему предстоит участвовать в какой-то авантюре. До сих пор дядя брал его с собой только на рыбалку. А куда Жора ходил на баркасе по ночам –никого не касалось, ни таможни, ни пограничной стражи, ни родственников, даже очень образованных.

Его ночные отлучки были запретной темой в семье Кирилла. Настолько запретной, что долгое время он и не знал о существовании родного дядьки, контрабандиста, да еще и грека.

Мама даже отдаленно не напоминала гречанку – русые волосы, зеленые глаза. И замуж она вышла за русского. Отец Кирилла, инженер Белов, умер, когда сыну было двенадцать лет. И с тех пор каждое лето пацан проводил в хате на обрывистом берегу. Своего дядьку он поначалу боялся – загорелый, черноглазый, с шапкой вьющихся волос, Жора Канделаки принимал племянника не как дорогого гостя. Он вел себя так, словно был мастером, а парнишка – подмастерьем. Женщины не приближались к этой хатке, и Кириллу самому приходилось разжигать печку, стоявшую во дворе, самому таскать воду, кашеварить и прибирать. Наградой за непосильный труд было море, плескавшееся под обрывом, и тенистый сад. Но самые счастливые минуты он испытал, когда дядя стал брать мальца на рыбалку.

Мальчишка был хорош на веслах, умел поставить парус и быстро его опустить, легко ориентировался в море – но в ночные экспедиции Жора Канделаки племянника не брал.

Однако сегодня у Жоры под рукой не было его команды, трех молчаливых греков – да, бывают и молчаливые греки – которых он еще вчера отпустил на свадьбу. И если выходить в море, то ему нужен хотя бы один напарник…

– Сегодня я без команды, – сказал Жора. – И у меня гость. Видишь? Мы сидим с Кирюшей, балакаем за жизнь, а ты врываешься и требуешь, чтобы мы отвезли тебя в Америку. Моисей, это несерьезно.

– Кто говорит за Америку? На рейде стоит пароход из Батума. Он ждет погоды. У него в трюмах целая толпа турецких беженцев. Я договорился. Парой турков больше, парой меньше – кто считает?

– Твое семейство не очень-то смахивает на турецкое, – заметил Жора, повернувшись к черному окну.

Что он мог там разглядеть, кроме собственного отражения и дождя, который стучал по стеклу при порывах ветра? Но он что-то разглядел, и сказал:

– Если твой пароход ждет только погоды, то погода уже пришла. Кирюша, как насчет прогуляться?

– С удовольствием, – небрежно ответил Кирилл.

– Вы будете иметь не только удовольствие, но и вот эти часы, – сказал Остерман, проведя пальцем по золотой цепочке на своем жилете.

– Какие часы, Моисей? – укоризненно произнес Жора. – Ведь мы соседи.

***

Каждый раз, бывая на Большом Фонтане у своего беспутного дяди, Кирилл обязательно заглядывал и к Моисею Лазаревичу. Точнее, к Илье, старшему из сыновей. У того был замечательный ялик, на котором друзья уходили далеко в море, и проводили там весь день.

Младший брат, Иосиф, вечно торчал в мастерской с отцом, лудил-паял-клепал, с ним и поговорить было не о чем, кроме новых конструкций замков. А Илюха был мечтателем, таким же, как и Кирилл. И, борясь с веселой волной, он мог наизусть выкрикивать целые страницы из Фенимора Купера или Вальтера Скотта. Глядя, как выходят из порта океанские пароходы, везущие хлеб в Америку, мальчишки завидовали крысам, которые сумели пробраться в трюмы. Вот бы стать невидимками и самим забраться на борт! Пересечь океан, ступить на девственную землю пустынного континента, чтобы на берегах Миссури сражаться с кровожадными ирокезами. Они мечтали о том времени, когда вырастут и обретут свободу, и смогут наняться на клипер, и увидеть африканский берег, и Цейлон, и пройти мимо мыса Горн – и женщины всех портовых кабаков будут страдать от неразделенной любви к двум юным матросам...

«И вот, пожалуйста, чем закончились наши мечты», – думал Кирилл, ворочая тяжелым веслом баркаса.

Сказать по правде, мечты лопнули еще прошлым летом. Приятели провели его на борту парохода, сновавшего между Одессой и Севастополем. Илья был при буфете, Кирилл же попал в распоряжение боцмана. На этом беззаботная жизнь закончилась, родители решили их судьбу:

Остерманы принялись сбывать вещички, готовясь к отъезду, Кириллу оставалось еще год учиться в гимназии. А что потом? Доктор, старый друг семьи, обещал пристроить мальчика в аптеку. Брат отца, железнодорожник, предлагал взять его помощником телеграфиста. Оба варианта были одинаково противны Кириллу, и он завидовал Илье. А тот, наоборот, страшно завидовал ему, потому что не хотел никуда уезжать. Так или иначе, но виделись они в последнее время все реже и реже. И, наверно, оба не ожидали, что снова окажутся в одной лодке.

Кирилл сидел на банке рядом с Ильей, вторую пару весел доверили Иосифу и его отцу, середину баркаса заняли мать и сестра, а Жора Канделаки был на руле. Хотя они уже отплыли довольно далеко от берега, Жора продолжал соблюдать конспирацию – то есть сердито цыкал на гребцов, если те неловко шлепали веслами, и продолжал говорить вполголоса. Кирилл понимал, что Жора просто зубы заговаривает, развлекает женщин, да и не только их – если вслушиваться в плеск волн и вой ветра, можно рехнуться от страха. Жорин хрипловатый, веселый баритон заставлял думать не о том, как быстро можно пойти ко дну, а о страшных расходах, связанных с переездом в «тую чертову Амэрику».

– …И сколько ты заплатил своему агенту? Двадцать рублей только за границу, да триста пятьдесят за пароход, да семьдесят пять за железную дорогу, боженьки ж ты мой! А все потому, что ты слишком богатый. Бедные спокойно платят пятнадцать рублей за паспорт, да пятьдесят за шифс-карту на либавский пароход – и всё! И едут загребать золото лопатой!

– Не смеши меня, Жора, – отозвался Остерман. Каждая его реплика звучала в перерывах между гребками, и оттого получалась отрывистой. – Где ты видел паспорт… за пятнадцать рублей? Пока не подмажешь… пару человек в канцелярии, тебя и близко не подпустят….

– Ну и подмажь! Им тоже надо детей кормить.

– А у меня – не дети? Я же умею считать! Пятерка туда, пятерка сюда – выходит в два раза дороже... А нас тут пять человек… Ты считаешь? Тогда сосчитай еще налоги! Да-да, я не шучу!.. Они сдирают с каждого выездного недоимку за три года вперед!

– И сколько у тебя вышло на круг?

– Ты будешь смеяться. Я в жизни не видел столько денег, сколько отдал этому агенту, чтоб его разорвало. И все впустую, вот что обидно!

– Ничего! Деньги – просто фантики! Руки у тебя есть, голова на плечах, заработаешь! – сказал Жора. – Правым табань!

Подчиняясь команде, Кирилл стал грести в другую сторону и оглянулся. В первый момент ему показалось, что он ослеп – перед глазами стояла непроницаемая чернота. Оказалось, это был борт парохода. Черный, необычайно высокий. Ему пришлось задрать голову, чтобы увидеть в вышине цепочку тусклых пятен иллюминаторов.

– Ну, и где твой трап? – Жора встал во весь рост и крикнул, сложив ладони рупором: – Эй! Мастер!

– Сказали, трап на правой стороне. – Остерман бросил весло и привстал, хватаясь за борт баркаса. – А где тут право, где лево, откуда мне знать? Я слесарь, а не моряк.

Здесь, у парохода, качка ощущалась сильнее, и баркас то взлетал вверх, то проваливался так, что женщины взвизгивали.

Кирилл выставил весло, упираясь в борт. Что-то мокрое хлестнуло его по щеке. Заслоняясь рукой, он перехватил какую-то веревку, свисавшую сверху.

– Тут конец! – крикнул он.

– Это швартовый! Давай наверх! – приказал Жора и, перешагнув через сваленные на дно баркаса узлы, кинулся на место Кирилла, перехватив его весло. – Илюха! Хватай конец! Вяжи! Чтоб не сносило! Кира, пошел!

Это был настоящий океанский пароход. С прошлой ночи стоял он на одесском рейде, угловатый, черный, с двумя широкими трубами. Даже с берега он казался необычно большим, а теперь, вблизи, был просто гигантским. Отвесный борт уходил в поднебесье, как стена непри-

ступной крепости. Узкий забортный трап косо спускался к воде – и, если бы не свисаший с него конец, в темноте его бы не нашли.

Кирилл первым забрался на шаткие ступени и поднялся вдоль борта. И чем выше забирался, тем слышнее становились тяжелые вздохи паровой машины.

К нему подбежал кто-то в светлой тужурке.

– Остерман? – крикнул моряк.

– Остерман внизу, конец давай!

– Харри ап! Тез ол, тез! – по-английски и по-турецки заорал на него моряк. – Ю дамд бич!

– Сам ты бич! – Кирилл уже заметил бухточку и сам вывалил страховочный конец наружу. – Дядь Жор! Держи!

Перегнувшись вниз, он видел белеющие лица. Отсюда казалось, что до них не так и далеко. Он даже подумал, что вполне мог бы спрыгнуть с борта прямо в баркас, если понадобится.

– Сначала вещи! – донесся до него голос Остермана.

– Кира, тяни!

Он вытянул снизу несколько узлов и громоздкий чемодан, и только потом почувствовал, что конец идет рывками. Илья первым забрался наверх, отвязал веревку, обмотанную вокруг пояса, и сбросил ее вниз.

– Мама! Видите? Это так просто! – крикнул он, свесившись за борт. – Какие-то три-четыре ступеньки! Оська, не лезь, пусть Жора сам обвяжет!

Он повернулся к Кириллу, счастливо улыбаясь, и ткнул кулаком в плечо:

– Лихо, Кира! Мама идет на абордаж!

– Тяни давай!

Моряк с парохода толкался рядом, что-то крича и размахивая руками, но Кирилл с Ильей не обращали на него внимания. Они подхватывали под мышки тех, кто показывался снизу, отвязывали страховочный конец и сбрасывали его обратно к баркасу.

Мощный басовитый гудок раздался прямо над головой. От неожиданности Кирилл даже присел.

– Чемодан! – закричал Моисей Лазаревич, всплеснув руками. – Где чемодан! Дора, ты забыла его в баркасе!

– Что ты говоришь, Моисей! Я сама привязывала его!

– Тогда покажи мне, к какому месту ты его привязала! Вот узел, вот инструменты, вот корзина, и где же тут чемодан?

Кирилл неожиданно вспомнил, что рядом с ними вертелась какая-то фигура. Он оглянулся и увидел: какой-то низенький человечек волочит за собой чемодан. Вот он скрылся за шлюпкой, и Кирилл кинулся за ним. Палуба вздрагивала под ногами, в лицо ударила струя горячего сухого воздуха, Кирилл на миг потерял из вида похитителя чемодана, но тут же снова увидел его. Тот уже был не один. Трое или четверо низеньких и суетливых воришек окружили его.

– А ну, стоять! Голову оторву! – заорал он, и подумал, что воришки вряд ли понимают по-русски.

Но они все поняли, потому что кинулись врассыпную, а открытый чемодан остался на палубе. Повсюду белели какие-то тряпки, вытащенные из него. Кирилл наспех запихнул их обратно, кое-как закрыл чемодан, с которого были сорваны замки, и взвалил его на плечо.

Когда он вернулся к Остерманам, те уже шагали ему навстречу, волоча за собой узлы и корзины.

– Вот гады, распотрошили!

– Спасибо, Кирюша! – сказала тетя Дора. – Я всегда говорила, что ты порядочный мальчик.

– Давай! – Илья порывисто обнял его и оттолкнул. – Я тебе напишу!

– Если не понравится, возвращайтесь! – сказал Кирилл.

– Вот заработаю миллион, и вернусь! – пообещал Илюха.

Кирилл хотел еще раз обнять друга, но тут увидел, как двое матросов в желтых блестящих куртках крепят секции поднятого трапа к леерам.

– Эй, вы чего! – крикнул он, бросаясь к борту. – Дайте спуститься, черти!

– Ол райт, ол райт, – сказал один из матросов.

А второй похлопал Кирилла по плечу:

– Карашо!

– Вот черти, чуть не увезли с собой, – пробормотал Кирилл.

Он схватился за страховочный конец и почувствовал слабину. «Зачем дядя Жора отвязал баркас?» – подумал он и уже перенес ногу через борт, когда увидел, что никакого баркаса внизу нет. Только черная вода с белым пенным следом.

– Дядя Жора!

Но его крик был тут же перекрыт новым пароходным гудком, длинным и раскатистым. И Кирилл наконец-то понял, что пароход незаметно для него тронулся с места.

Он перебежал на корму. Кто-то пытался схватить его по пути, но он вырвал руку и добежал до самого конца. С разбегу налетел на леера. И увидел широкую белую полосу за пароходом.

– Дядя Жора! – в отчаянии закричал он в черноту.

– Кирюша, спокойно! – откуда-то послышался далекий голос Жоры Канделаки. – Только не прыгай!

Если бы он закричал «Прыгай», то еще неизвестно, как поступил бы Кирилл…

– Не дури! Сойдешь в первом же порту и спокойно вернешься! Моисей даст денег! Только не прыгай! Слышишь?

– Слышу, слышу! А мама? – крикнул он. – Она же нас убьет!

– Спокойно! Привезешь ей какие-нибудь цацки! Если будешь в Констанце, найди буксир «Комета»! Там меня знают!

Третий гудок заглушил его голос. Палуба под ногами задрожала сильнее. Пароход разгонялся, а Кирилл все стоял, вцепившись в леера, и смотрел на огоньки далекого берега…

***

Он переночевал в шлюпке, под брезентом, на спасательных пробковых жилетах. Утром его разбудил свисток. По палубе громыхали тяжелые башмаки, слышалась непонятная перебранка сразу на нескольких языках. Кирилл осторожно приподнял брезент и выглянул в просвет.

Над свинцовой блестящей водой алела полоска рассвета, придавленная низкими тучами.

На палубе, между шлюпками, возился пожилой моряк, отматывая от бухты и обрубая тесаком куски пенькового троса. Под ногами у него уже лежало несколько отрезков, и он каждый раз распрямлял их, чтобы отмерить нужную длину, не забывая при этом выругаться «дамн бич», потому что отрезки упрямо свивались в кольцо.

Кириллу надоело глядеть на его мучения. Он выскользнул из-под брезента, присел рядом с моряком и, растянув отрезанный кусок пеньки, сказал:

– Лет ми хелп ю. (Давай помогу)

– Велл, ив юв насн дамн ту ду, – проворчал моряк, не поднимая головы. – (Ну, если тебе не хрен делать…)

Кирилл прикладывал мерку к тросу, моряку оставалось только тюкать своим тесаком, и вдвоем они нарубили целую охапку. Затем распустили отрезки на нити-каболки, а потом принялись вязать из них швабры. Дело сие Кириллу было хорошо знакомо с прошлого лета, как и вся иная матросская работа – боцманские тумаки весьма способствовали усвоению навыков.

Готовые швабры он привязал на линь и сбросил за борт, чтобы отмыть от смолы.

За эти занятием его и застал Илья.

Как ни тошно сейчас было Кириллу, он не смог удержаться от смеха, увидев изумленное лицо приятеля.

– Не понял…. Ты? Ты что тут делаешь?

– Швабры отмываю, – спокойно ответил Кирилл.

Через минуту все семейство Остерманов окружило Кирилла. Отец смотрел сердито, тетя Дора сочувственно, Оська уставился на его босые ноги, а в глазах Лийки стоял просто ужас. Она даже прикрыла рот рукой, словно сдерживала рыдание.

– И что ты будешь делать? – осторожно спросил Илья.

– Спокойно, – Кирилл небрежно махнул рукой. – Сойду в первом же порту. Наймусь на любую посудину и уйду обратно в Одессу.

– А деньги? – спросил Моисей Лазаревич неприязненно. – У тебя есть деньги? Да что я спрашиваю! У тебя нет даже пары штиблет, чтобы прикрыть ноги! Кто пустит на пароход такого босяка?

«Моисей даст денег», – вспомнил Кирилл слова дяди. И понял, что Жора Канделаки плохо знал своего соседа.

– В Констанце найду знакомых, – сказал он. – Если зайдем в Варну, тоже неплохо. Там полно ребят из Одессы.

– Констанца, Варна… – Илья почесал затылок. – Не знаю, не знаю. Я слышал от матросов, что уголь и вода ждут их в Гибралтаре.

– Это немного дальше, чем Варна, – согласился Кирилл и, поднатужившись, потянул из воды связку намокших и оттого неподъёмных швабр. – Значит, вернусь немного позже.

2. Нью-Йорк

Джон Динби был доволен своим новым помощником. Мальчишка успевал везде и ни минуты не сидел без дела. С любой работой справлялся так, будто занимался ей всю жизнь. А если чего не знал, то не стеснялся спросить. И схватывал на лету.

Юнга избавил Джона от самого муторного занятия на свете. Каждое утро капитан развлекался стрельбой из револьверов. Матросы подбрасывали над бортом бутылки, а он палил – и иногда попадал. Старый придурок сжигал патроны пачками, а несчастному Динби потом приходилось чистить стволы от намертво въевшейся копоти. То-то он порадовался, когда смог доверить это грязное дело юнге! А у того аж глазенки загорелись. Живо сообразил, что к чему, да что куда. Даже наловчился разбирать кольты, чтобы выскрести вековую пыль из всех уголков и щелочек. Сам капитан однажды, повертев пушку в руках, похвалил Динби за такое усердие.

Да, помощник справлялся с любой работой, а уж работы хватало. Толпа беженцев выползала с первыми лучами солнца, и сколько же от них было грязи! Пока они валялись наверху, юнга носился со шваброй по трюмным проходам. А драить доски верхней палубы ему приходилось, когда турки заползали обратно в свои норы. Да, у них там были истинные норы. Для перевозки пассажиров в трюме были сколочены нары в два яруса. Никаких выгородок, никаких лишних преград для воздуха. Предполагалось, что один отсек будет мужским, другой – женским, вот и все. Так что эти турки надумали? Все устроились семьями, вперемешку, да и отгородились от соседей одеялами. Циркуляции воздуха – никакой. К тому же они все поголовно лопали чеснок, младенцы не забывали ежечасно обосраться – да, бедняге Крису можно только посочувствовать…

Он сразу стал называть Кирилла Крисом. Так и представил его капитану. Так и в контракте записали – Крис Беллоу, нанят матросом сроком на один год.

***

Подписывая контракт, Кирилл был уверен, что нарушит его и сбежит на берег, как только пароход вернется в Батум за новой партией беженцев. Он бы сбежал и раньше, да некуда было.

Судно приблизилось к берегу только перед тем, как войти в Босфор – и это был турецкий берег, а там Кириллу вряд ли удалось бы найти знакомых Жоры Канделаки. К тому же пароход не останавливался в Константинополе. Больше того, к нему даже пристроился пограничный катер, и турки – в красных фесках и смешных коротких штанах, сильно зауженных книзу – что-то кричали вслед пароходу, грозно потрясая винтовками.

На палубе в это время не было ни души, пассажиры попрятались, потому что их начинало трясти от одного только слова «Турция». А если бы они узнали, что Джон Динби называл их турками, то старого моряка могли бы облить кипящей чечевичной похлебкой –эти люди не прощали оскорблений. Они были ассирийцами и армянами, которых турки вырезали целыми селениями. Спасаясь от резни, они покинули свои дикие горы и укрылись под двуглавым орлом Российской империи. Однако задерживаться в Батуме не собирались– весь армянский исход был организован сердобольными Северо-Американскими Штатами.

В Америке армян ждали плодородные земли и цветущие сады. Там они станут миллионерами и будут кушать золотыми ложками. По крайней мере, так они говорили Остерману, когда сватались к его дочке. Как ни пряталась Лийка за одеялами в самом дальнем уголке трюма, а все-таки высмотрели ее влюбчивые горцы, и началось…. Тетя Дора выбиралась с дочкой наверх только в сопровождении обоих сыновей. Однажды Илюха даже схватился на кулаках с каким-то не в меру ретивым женихом. Хорошо, что подоспел Кирилл и окатил бойцов из ведра. После этого у Ильи появилась дурная привычка – непрестанно стругать дощечку длинным ножом.

Кирилл жил в матросском кубрике, спал на плетеной койке, которую каждое утро сворачивал и подвешивал к переборке. Команда была собрана из таких же эмигрантов, как и пассажиры – итальянцы, греки, поляки. Один только Джон Динби был натуральным американцем, из самого Нью-Йорка. То, что Кирилл умеет изъясняться на человеческом языке, потрясло его до глубины души. Правда, на таком английском в Америке лучше не говорить, если не хочешь, чтоб тебя приняли за лоха.

Динби понятия не имел о герундии, перфект континусе и прочей грамматической чепухе, но он заботливо учил своего юного помощника правильной речи. Для Кирилла было откровением, например, что словом «дэнди» обозначают педерастов, но только на суше, а вот те извращенцы, которые затесались в команду корабля, зовутся «асс пати» («партия жопы», как перевел вчерашний гимназист).

Иногда Динби расспрашивал Кирилла о жизни русских моряков, но больше рассказывал сам. Получалось, что матросы всех стран живут одинаково хреново. Беспрестанный труд, изматывающая качка, да жалкие гроши, которые, как морская вода сквозь пальцы, уходят в первом же портовом кабаке. Вот если б удалось завербоваться на чайный клипер, заработать деньжат, списаться на берег, да купить ферму где-нибудь в Колорадо, подальше от моря – эх, мечты, мечты…. Ну, чего стоишь, салага? Хэндс офф кокс, фит ин сокс! Убрал ручонки с яиц, сунул ноги в носки – и вперед, пахать!

Иногда даже у самого работящего юнги бывают минуты отдыха, и Кирилл проводил их возле Остерманов. Динби подбросил ему старые брошюрки с описанием приключений Дэви Крокета и прочих американских героев, и Кирилл читал их вслух, с переводом. Моисей Лазаревич находил сие занятие чрезвычайно полезным, потому что в Америке без языка делать нечего. И сам он, и тетя Дора послушно повторяли за Кириллом целые фразы, но выдержали недолго.

В конце концов Остерман заявил, что в Америке говорят на исковерканном идише. Как будет «восток»? «Ост». А по-ихнему – «ист». Эта тарабарщина легко давалась детям, а старикам было поздно переучиваться…

Но, спустившись по трапу в порту Нью-Йорка, одесский слесарь Остерман гордо заявил иммиграционному чиновнику:

– Май нэйм из Мозес Истермен! Ай эм э фиттер! Ит из май фэмили: Дороти, Элизабет, Уильям энд Джозеф! Хау дую ду !

Кириллу очень хотелось услышать ответ чиновника, но Джон Динби уже увлек его за собой.

– Пошевеливайся, Крис. Или ты хочешь остаться на борту? Вместе с этими бездельниками? Нет уж, пускай сегодня приборкой занимаются они, а у нас с тобой есть дела поважнее.

Протолкавшись сквозь толпу, они зашагали вдоль причала, мимо бочек, ящиков и гробов, которые выгружались с парохода, направляясь к выходу из порта, потому что Джону Динби не терпелось поскорее насладиться твердой землей под ногами и шаткими табуретами ближайшего салуна.

В карманах бренчали несколько монет, которые, впрочем, Кирилл не собирался оставлять в кабаке. Ему надо было увидеть Нью-Йорк. «Будет о чем рассказать, когда вернусь», – с радостным возбуждением думал он. Пересечь океан, побывать в Америке – да разве мог этим похвастаться кто-нибудь из его однокашников? А если он привезет маме что-нибудь эдакое…. Да не забыть про подарок для дяди Жоры… Да и себе …

– Будем стоять два дня, – сказал Динби. – Капитан перехватил выгодный фрахт, забросим груз в Марсель, вот где можно повеселиться. А тут – тоска.

– Джон, я могу пойти с тобой? – спросил Кирилл.

– Вот дела! А с кем ты сейчас идешь?

– Нет, я хотел бы выйти вместе с тобой в город.

– Какого хрена мне делать в городе? – Динби даже остановился от удивления.

– Ну, как…. Ты, наверно, собираешься заглянуть домой?

– Какого хрена мне делать дома? Пока я дойду до своей Четырнадцатой улицы, меня три раза арестуют копы, да еще раза два я получу кирпичом по башке. Крис, ты вроде не дурак, но иногда такое сморозишь…. Да с чего бы я нанялся на это ржавое корыто, если б хотел жить дома?

Кирилл малость приуныл, но не подал виду. В конце концов, чтобы рассказывать друзьям о Нью-Йорке, вовсе не обязательно пройти его вдоль и поперек…

Экскурсия началась с высокого кирпичного здания, по виду – обычного доходного дома. Динби прошел мимо витрины на первом этаже и свернул в подворотню. Там он толкнул тяжелую скрипучую дверь и скрылся в темноте. Кирилл опасливо шагнул следом, касаясь рукой шершавой стены. Узкий длинный коридор привел их к лестнице, где на ступеньках сидели двое оборванцев.

– Дорогу! – Джон Динби пнул одного в грудь, и тот отлетел в сторону. – За мной, Крис! Чуешь, как вкусно пахнет?

На лестнице отчетливо пахло помоями и той кислятиной, которой обычно несло из трюмов во время эпидемии морской болезни.

– Это единственное место на берегу, где готовят настоящее «чили кон карне», – мечтательно говорил Джон Динби, перешагивая через две ступени разом. – И это единственное место, где ты можешь смело глотать свое питье. Тут тебе не подмешают проклятой отравы, как в других кабаках. Тут если пиво – значит, пиво. Если виски – значит, виски, а не камфара с керосином. Ну, тебе еще рано этого бояться. А меня, было дело, однажды угостили таким зельем, что я очухался через неделю…

На втором этаже оказался довольно просторный зал. Вдоль трех стен тянулись длинные столы, составленные буквой П, а четвертая стена переходила в кухню, откуда выскакивали официанты с несколькими тарелками в обеих руках. За столами сидело множество посетителей, некоторые в таких же кожаных куртках, как у Динби и Кирилла – это были матросы.

Отыскав свободное место, они уселись на скамью, и по ту сторону стола перед ними моментально возник официант. Пока Кирилл разглядывал его грязный передник с красными, бурыми и рыжими пятнами, Динби сделал заказ. Не прошло и минуты, как на столе появились две глубокие оловянные миски с мясным фаршем, перемешанным с фасолью, рубленым луком и зеленым перцем. Себе Динби заказал пиво, а Кириллу – вишневую шипучку. Они чокнулись бутылками, и Динби сказал:

– Никогда не пей из стаканов. Бутылка и почище будет, и отбиваться ей легче. А стакан – ненадежное оружие в драке. Ну, чего уставился? Ешь, такой вкуснятины ты еще не пробовал.

– Миски точь-в-точь как на нашем пароходе, – Кирилл не удержался от замечания и тщательно вытер жирную ложку о подкладку куртки.

– А ты думал увидеть тут фарфор и серебро? Какой посетитель, такие и миски, – философски заключил Динби. – Может, когда-то здесь и были приличные тарелки, да только продержались они до первой стычки. Вот я однажды зашел сюда перекусить, когда в том углу сидели парни с французского парохода, а вон там – англичане с клипера. Ну, ясное дело, когда они схватились, я тоже в стороне не остался …

– Ты был за французов или за англичан? – поинтересовался Кирилл.

– Да я колошматил и тех, и других. Ну и, ясное дело, меня топтали тоже со всех сторон. Так ты не поверишь, Крис: двоих забили насмерть, порезанных было десятка два – но ни одной скамейки так и не сломали!

Динби поерзал на скамье, как бы подтверждая ее испытанную прочность.

– Давно это было, года четыре как…. С тех пор, Крис, все в этом городе переменилось. Я что заметил? Как вернусь из рейса, кругом всё новые морды. Тошниловки новые открываются,

а в старых кабаках – новые вышибалы. Все меняется, Крис, все меняется слишком быстро…. Вот совсем недавно зашел я промочить горло к Дику Эвансу. Его салун всегда считался приличным. Только сел, только хлебнул из бутылки – заваливаются какие-то сопляки и давай задирать других сопляков. Ну, думаю, сейчас начнут кружками кидаться. И что ты думаешь? Вместо того, чтобы честно раскровянить друг дружке морды, они вдруг выхватывают револьверы и начинают палить! Перебили весь буфет, всю витрину, ни одной бутылки целой не осталось. Когда разбежались, мы с Диком насчитали сорок восемь пуль в стенках, полу и потолке!

– Много погибших?

– Да нет. Ни единого. Ранило двух прохожих на улице. Так из-за них такой шум потом в газетах поднялся! Дика чуть не закрыли, еле-еле отмазался.

– Не понимаю, – сказал Кирилл. – Как можно устроить такую перестрелку и никого не убить?

– Вот и видно, что ты пороху не нюхал, – Динби толкнул его локтем в бок. – Ты же сам знаешь, револьвер - он же тяжелый, как утюг. От него больше шума, чем вреда. Да я тебе честно скажу, это большая редкость даже в Нью-Йорке, чтобы кого-нибудь грохнули из револьвера. В Бронксе, говорят, есть банда стрелков, которые попадают в карту с десяти шагов. Но я думаю – это сказки…

– Джо Клещ! Старина, ты ли это! – перебил его незнакомец, подошедший сзади и хлопнувший Динби по плечу. – Где тебя носило?

Он был в приличном костюме, белых перчатках и с шелковым розовым шарфом на шее.

– Привет, Красавчик, – без особой радости ответил Динби. – Быстро же тебя выпустили.

– В «Могилах» кормежка неважная, вот друзья и позаботились о моем желудке. И двух недель не сидел. Да только там все равно лучше, чем болтаться по океану в плавучей тюрьме. Сегодня пришел, Клещ? Какие планы?

– Пожрать, – с набитым ртом пробурчал Динби.

– Нужны двое матросов, – понизив голос, сказал Красавчик. – На один рейс. Шхуна с товаром уходит завтра в Норфолк. Полсотни каждому.

– Какая досада! – Динби подмигнул Кириллу. – А мы как раз завтра отходим на Марсель. Да, обидно, обидно. Ну, ничего не поделаешь.

– Подумай, Клещ. Это кто с тобой?

– Это Крис.

– Юнга?

– Ты не смотри, что он пьет шипучку, – сказал Динби многозначительно. – Я видал Криса в деле. Он настоящий матрос. Просто его религия запрещает спиртное.

Красавчик наклонился, чтобы заглянуть Кириллу в глаза. От него сильно пахло цветочным одеколоном.

– Крис, а ты не хочешь хапнуть полсотни зеленых? Я ведь не могу доверить хорошую работу первому встречному, сам понимаешь. Иной напялит матросскую робу, а сам не то, что парус поднять, узла завязать толком не умеет.

– У меня контракт, – солидно сказал Кирилл. – Извини, Красавчик. Может быть, в следующий раз.

– Ты говоришь не по-нашему. – Красавчик присел рядом. – Ты не с Юга, парень? А? Я угадал? Каролина, верно? Вот почему ты упираешься! Успел наследить? Плюнь, там у нас все схвачено, никто тебя пальцем не тронет.

– Сказано тебе, у нас контракт, – Динби отодвинул пустую миску и поднялся. – Пошли отсюда, Крис. Покажу тебе еще одно местечко.

– Ты в «Арсенал»? – спросил Красавчик.

– А куда ж еще!

***

Пробираясь в толчее грязных улиц, Джон то и дело одергивал своего юного спутника:

– Не верти ты башкой по сторонам. А то сразу признают новичка. Ты смотри под ноги, да следи за руками тех подонков, что трутся поблизости. Ну, чего ты опять рот разинул?

Кирилл с трудом оторвал взгляд от рыжеволосой красотки, которая, перегнувшись с балкона, вытряхивала прямо на улицу содержимое чайника. Она была в полупрозрачной ночной рубашке, и одна грудь вывалилась наружу, широкая и плоская, как лепешка.

– Рано тебе еще на сиськи заглядываться, – по-отечески пожурил его Динби, отвесив легкий подзатыльник. – Вот на этом они нас и ловят. Пока любуешься их прелестями, покрепче держись за карманы.

Чуть ли не каждый дом в этом районе был украшен зазывными вывесками, но Джон Динби упрямо шагал вперед, отмахиваясь от настойчивых предложений. Он продолжал просвещать Кирилла, знакомя его с местными достопримечательностями.

В кабаках «Палата лордов» и «Виноградная гроздь» собирались англичане, как аристократы, так и последние пропойцы. «Бисмарк» был знаменит тем, что в нем долгое время работала проститутка, которая оказалась разорившейся русской княгиней – несколько лет назад ее выкупил какой-то сумасбродный миллионер, тоже русский. «Капля росы» была местом встреч евреев, владельцев публичных домов. Здесь они выставляли на аукцион свой живой товар. Причем особо ценились еврейки из России, германских же или румынских почему-то даже не рассматривали.

– В общем, в нашем городе есть где провести время, – заключил Джон Динби, останавливаясь перед грязной двойной дверью. – Но самое лучшее место – здесь. Добро пожаловать в «Арсенал»!

Они прошли длинным коридором, стены которого были выкрашены в черный цвет, и оказались в огромном зале, беспорядочно уставленном столами и стульями. Многие столы у стен уже были заняты, свободными оставались только те, что сгрудились ближе к середине, где колыхалась плотная и пестрая толпа танцующих. На невысокой эстраде возле пианино ритмично покачивались фигуры скрипача и кларнетиста. Просто удивительно, как, усилиями всего трех исполнителей, удавалось производить столь громкие звуки, перекрывавшие гомон пьяной компании.

– Наверх, в кабинет! – провозгласил Динби. – Сегодня мы можем себе позволить приличный отдых!

По его понятиям, приличный отдых заключался в том, чтобы сидеть на одном из балконов, нависавшем над залом. За круглым столом могли разместиться человек десять, но Динби, войдя в «кабинет», сразу задернул за собой плюшевую занавеску. И беспокоили посетителей только официанты да разбитные девицы, которые то и дело заглядывали сюда. Джон с усмешкой изгонял их.

– Пусть эти трясогузки ищут простаков внизу, – объяснил он Кириллу. – Самые лучшие девочки еще только готовятся к выходу.

Веселье внизу постепенно набирало обороты. Кирилл попытался сосчитать гостей, но быстро сбился со счета. Такого сборища он не видал даже на рынке. Среди пиджаков и черных фраков попадались и рыжие матросские куртки. Дамы же предпочитали все оттенки красного и зеленого.

Динби подвинул к Кириллу пивную кружку:

– Можешь выпить, тебе не помешает.

– Не хочется, – сказал Кирилл, преодолевая жгучее желание погрузить губы в пышную пену.

– Да ладно тебе…. Можешь не прикидываться ангелом. Я-то знаю, что творится у тебя на душе, – неожиданно мягко сказал суровый краснорожий моряк. – Ты ведь даже не простился со своими друзьями. И с этой девчонкой, которая так на тебя смотрела….

«Это он о ком? – подумал Кирилл. – Об Остерманах? А я не замечал, чтобы Лийка хоть раз в жизни на меня как-то особенно глянула. Я вообще на нее никогда не смотрел, на эту пигалицу. Что-то Джон заливает…»

– Да, я понимаю, что значит разлука, – продолжал Динби. – Но ты прав, Крис. Так и надо. Рубить – так рубить. Нечего тянуть. Все равно ты их больше никогда не увидишь. Так зачем мучить себя и других? Видал я эмигрантов. У всех судьба одна. Пацаны уйдут в банду, девка – на панель, а старики сдохнут в канаве. Эх, Крис, человек должен жить там, где родился…

Очередная «трясогузка» ворвалась в их кабинет:

– Мальчики! Чего это вы тут скучаете? А ну-ка! – она задрала юбку и поставила на стул ногу, обтянутую до середины бедра черным чулком. – Не желаете сунуть на счастье?

– На счастье? – Динби подмигнул Кириллу: – Старый добрый обычай. Кто спрячет под ее подвязку четвертной, тому будет везти весь год.

– О, да тут новичок!

Девица мгновенно вспорхнула на стол, каким-то чудом не задев бутылок и не наступив ни в одну из тарелок. Кирилл отодвинулся, схватив кружку – и вовремя, потому что женская ножка мелькнула прямо перед его лицом.

– Вот как у нас танцуют канкан, – дамочка подбрасывала ноги чуть не выше головы, обдавая Кирилла запахом духов и шелестом нижних юбок.

Он отвернулся, чтобы не любоваться ее кружевными панталонами, а Динби расхохотался:

– Такой канкан тянет на доллар, не меньше!

– Добавь пятерку, увидишь кое-что покруче!

– Договорились!

Она развернулась к Динби спиной и резко наклонилась. Ее смеющееся лицо оказалось прямо перед Кириллом. Он услышал ее шепот:

– Какой хорошенький мальчик!

Стремясь показать, что он не мальчик, Кирилл шумно отхлебнул изрядный глоток пива и вытер губы рукавом.

– Пойдем со мной, – шептала девица, – я с тебя ничего не возьму…

Раздался звонкий шлепок.

– Твоя напудренная задница не стоит и трешки! – хохотал Динби. – Пошла вон отсюда!

Нисколько не обидевшись, девица упорхнула, сунув деньги в глубокий вырез на груди. А через пять минут появилась вторая. Потом третья. Каждая уносила с собой то доллар, то два, демонстрируя Джону Динби какие-нибудь участки своего тела. И каждая успевала обжечь Кирилла томным взглядом. Кончилось тем, что Динби приказал:

– Забирай эту пташку и двигай с ней. Вот тебе пятерка. Но расплатишься с ней только утром, понял? Чтобы старалась!

Оглушенный и потрясенный, Кирилл, как во сне, встал из-за стола и побрел за девицей, которая тянула его за руку.

Они пришли в тесную комнатку, где у одной стены вытянулась кровать под серым одеялом, а у другой был умывальник с зеркалами и длинной полкой, заставленной флаконами и шкатулками. Девица указала пальцем на стул с высокой спинкой:

– Вешай свою куртку и штаны сюда. И ложись быстрее. Чего тебе принести из выпивки? Шампанского? Или виски?

Кирилл подумал, что если он попросит шипучки, то девушка сочтет себя оскорбленной.

– Я не пью, – сказал он грубовато.

– А я что, пью? Это обычай! – заявила она, быстро расстегивая бесчисленные пуговки на платье. – Не будь жадюгой! Мне платят по доллару за каждую заказанную бутылку! Ты же хочешь, чтобы я заработала чуть-чуть больше для своей больной мамочки? У меня все деньги уходят на лекарства для нее! Если б не мамочка, я бы никогда не попала сюда! Как тебя зовут?

А меня – Изабелла! Я из Коннектикута. В двенадцать лет меня изнасиловал лавочник, и отец выгнал из дому. Мы с мамочкой уехали в Нью-Йорк, она работала на фабрике, но ей отрезало ноги, и вот теперь я содержу и ее, и своего маленького братика, и лишний доллар нам бы не помешал!

С этими словами она встряхнула головой, пышные волосы рассыпались по плечам, а платье соскользнуло на пол. Оставшись в одной рубашке, не прикрывавшей и колен, Изабелла присела на кровать.

– Ну, что ты стоишь? Хочешь, чтобы я сама тебя раздела? Тогда закажи шампанское.

– Как? – спросил он, скрывая растерянность.

– Просто выгляни за дверь, а там сообразишь, – рассмеялась она и откинула одеяло.

Он приоткрыл дверь и увидел в коридоре огромного негра с корзиной.

– Шампанское, сэр?

Кирилл кивнул.

– Пять долларов, сэр.

Он выгреб из кармана горсть монет и расплатился. Негр дал ему бутылку и медный жетончик.

– А это что?

– Это для вашей леди, сэр.

Закрыв дверь, Кирилл повернулся к Изабелле и увидел, что она сидит на кровати, по-турецки скрестив ноги, совершенно голая. Длинные волосы прикрывали ее маленькие груди.

– Жетон не забыл взять? Ой, какой ты милый! Ложись, я все сделаю сама!

У него кружилась голова и дрожали руки, пока он раздевался и укладывал одежду на стул. Последняя вспышка благоразумия заставила его пересыпать монеты в кошелек и спрятать под подушкой. Изабелла поднесла ему бокал:

– Милый! Ты такой хороший! Как жаль, что мы не встретились раньше! Знаешь, я даже не возьму с тебя денег! Пускай Клещ подавится этой несчастной пятеркой! Пей! Пей до дна! И иди скорее ко мне!

Он выпил мутную пенистую жидкость, сладковатую на вкус, и подумал: «Что они находят в этом шампанском? Ну и дрянь! Нет, вишневая шипучка гораздо вкуснее…»

Ноги его подкосились, и он вдруг оказался на полу возле кровати. Голая Изабелла перешагнула через него. «Какие же у нее заросли между ног, – подумал он равнодушно. – А у тех, которые плясали на столе, все было выбрито. Странно. Куда она делась?»

Он попытался повернуть голову. Глаза слезились, и сквозь радужный туман он увидел, как девица ловко выворачивает карманы его куртки. А потом что-то влажное и горячее навалилось на его лицо, и Кирилл почувствовал, что куда-то проваливается…

3. Снова в океане

Ему снился баркас. Парус хлопал на ветру, скрипела мачта, шипела вода, скользя вдоль выпуклых бортов. Сверкающая рябь моря простиралась во все стороны, и берега не было видно, куда ни посмотри.

Он сидел на кормовой банке. Он знал, что должен крепко держать румпель, направляя баркас на маяк – но не было ни маяка, ни румпеля. Не было и весел, и голую мачту хлестали обрывки шкотов, а парус куда-то исчез. Море вдруг заволокла темнота, и небо померкло. «Сейчас налетит шторм», - обреченно подумал Кирилл. И открыл глаза.

Он лежал на жестких досках, над головой выгибался дощатый, низкий потолок. Пахло морем. Кирилл поднял голову и осмотрелся. Это был тесный кубрик какого-то судна. Парусного, судя по звукам. И небольшого, судя по качке. В полумраке он разглядел низкий стол, принайтованный к полу, и пустые бутылки, с легким перезвоном катавшиеся от борта к борту. Он встал , пригибаясь, побрел к выходу. Ноги плохо слушались его, голова казалась свинцовой.

На палубе ему стало легче. Свежий морской воздух ударил в лицо и заставил разогнуться. Он запахнулся в куртку и побрел дальше, хватаясь при каждом шаге за фальшборт.

Это была небольшая шхуна, двухмачтовая, с косыми парусами. Она шла довольно резво под ровным ветром, но только шла как-то непонятно, то и дело рыская из стороны в сторону. Кирилл едва увернулся от гика, который вдруг пошел на него. Поднырнув под парусом, он увидел на небольшом кормовом возвышении рубку с выбитыми стеклами. За рубкой был штурвал, а под ним валялся мертвецки пьяный рулевой.

Кирилл оттащил его в сторону и встал за штурвал. Глянул на компас. «Ну, и какой курс?» – подумал он. Прошло несколько минут, прежде чем он понял, что это неважно. Неважно, какой курс, потому что он все равно с каждой минутой все дальше и дальше уходит от Нью-Йорка, а значит, и от своего парохода и от Одессы.

– Очухался? – раздался знакомый голос.

К нему подошел тот самый тип, которого Кирилл видел в портовом кабаке. Кажется, Динби называл его Красавчиком.

– А где Джон? – прохрипел Кирилл, мучаясь от боли в обожженном горле.

– Зачем нам Джон? – усмехнулся Красавчик. – Ты соскучился по своему дружку? Не печалься, найдешь себе нового. Такой милашка не останется без ласки.

Он произнес это беззлобно, почти ласково.

– Я плохо знаю английский, – медленно, с нарочитым акцентом сказал Кирилл, сделав вид, что не понял оскорбления. – Говори медленно. Где Джон?

– Твой дружок тебя продал за пятьдесят долларов. Теперь ты мой. Тут все – мое. Это моя шхуна. Вот валяется Пит Кровосос, он тоже принадлежит мне, и даже башмаки на нем – тоже мои. Правда, я уже жалею, что дал их ему. Он того не стоит. Как можно – бросить вахту! А ты – умница. Держи курс строго на юг. Через час тебя сменят.

– Я давно здесь? – спросил Кирилл, глянув на компас.

– Какая разница?

– А когда мы вышли из Нью-Йорка?

– Юнга, к чему все эти расспросы? – Красавчик заложил большие пальцы за пояс и прищурился. – Забудь про Нью-Йорк. Думай о том, как бы не отклониться от курса. И как бы чем-нибудь не рассердить меня или боцмана. Не то тебя будет драть вся команда, причем в любую минутку, когда ты будешь свободен от вахты.

Кирилл пытался сохранять спокойно-тупое выражение лица, которое очень помогало ему в гимназии, когда классный наставник устраивал допросы из-за разных происшествий. Но тут

была не гимназия, и на этот раз ему грозило нечто более опасное, чем выволочка или отчисление…

– Плохо понимаю, – повторил он. – Говори медленно.

– Скоро ты научишься понимать быстро. Просто на лету будешь схватывать, – осклабившись, пообещал Красавчик. – Держи на юг. Пойду, растолкаю боцмана, а уж он тебе все объяснит.

Как только он скрылся за рубкой, Кирилл присел над пьяным Кровососом и выдернул тесак из его ножен. Спрятал за пояс, сзади, под куртку. Если дойдет до драки – эти уроды узнают, как бьются пацаны с Большого Фонтана.

Кстати, не мешало бы выяснить, сколько их, уродов…. Нет, гораздо важнее установить, как далеко на юг успела уйти шхуна. Кирилл уже знал, как поступить. Прикинуться лопухом, дождаться ночной вахты и, пока все будут спать, повернуть на запад, к берегу. А там – как повезет. В лучшем случае – скинуть шлюпку с кормовых ростров, и уйти на ней. В худшем – добраться до берега вплавь. Лишь бы увидеть берег…

Он взял курс на десять градусов к западу в надежде, что успеет довернуть руль обратно, как только вернется Красавчик.

Тот вернулся с приземистым краснолицым толстяком.

– Слушай, юнга, – сказал тот, наматывая на кулак кусок пеньки. – Я боцман. Ты будешь звать меня – «мистер Бридж, сэр». Ясно?

– Ясно, мистер Бридж, сэр! – выпалил Кирилл, плавно доворачивая штурвал.

В следующую секунду страшная боль обожгла ухо, висок и щеку. Кирилл вскрикнул и схватился за лицо. А боцман снова намотал на руку кусок пеньки с блеснувшим на конце латунным крюком.

– Не слышу, – сказал толстяк.

Кирилл, чувствуя, как между пальцев сочится кровь из рассеченного виска, выпрямился и гаркнул еще громче:

– Ясно! Мистер Бридж, сэр!

– Вот так-то лучше, – ухмыльнулся боцман.

Он подошел к пьяному и пнул в грудь.

– Вставай, Кровосос!

– Что? Где? – пьяный с неожиданной резвостью вскочил на ноги. – Ох, мистер Бридж! Я… Вот…

– Ты заснул на вахте, – укоризненно произнес боцман.

– Кто, я? Да я только присел отдохнуть, когда меня сменил юнга!

Боцман уставился на Кирилла своими бесцветными маленькими глазками из-под лохматых рыжих бровей.

– Это так, юнга? Ты его сменил?

– Так точно, мистер Бридж, сэр! – заорал Кирилл.

Боцман и Красавчик переглянулись.

– Да врет он, – сказал кто-то сзади.

– Врет? – изумился боцман. – Мне? Юнга, ты врешь?

– Нет, сэр!

Неожиданный пинок сзади припечатал его к штурвалу, так, что рукоятка врезалась под дых. Кирилл рухнул на колени, хватая воздух ртом, и увидел, что за спиной стоят двое – Кровосос и еще один матрос, высокий и худой. Он успел сжаться раньше, чем они принялись пинать его тяжелыми матросскими ботинками. И все же пара ударов пришлась и по животу, и по лицу. Кровь заливала глаза, удары сыпались со всех сторон. Он пытался прикрыть пах коленями, пытался уворачиваться, но все равно был избит так, что просто уже не ощущал своего тела. Ни

рук, ни ног. Ему казалось, что он превратился в мешок с песком. С горячим песком. «Скорей бы они убили меня, – думал он равнодушно. – Скорей бы все кончилось…»

Потом они вылили на него ведро воды и за руки отволокли к люку в палубе. Он едва успел прикрыть голову локтями, когда его сбрасывали в неглубокий трюм. Крышка с лязгом захлопнулась.

– Пускай отдохнет, – сказал кто-то.

– Пускай. Сейчас от него толку мало.

– Завтра с утра посмотрим, как он управляется с парусами, – сказал боцман. – Дело нехитрое. И не таких учили.

– Только не покалечь, – сказал Красавчик. – Мне он нужен на веслах, когда будем разгружаться.

– Руки-ноги будут целы.

– А задница?

Они дружно заржали и разошлись. Скрючившись в тесном трюме, среди ящиков и мешков, Кирилл слышал, как удаляются их шаги.

«Сам виноват, – подумал он о себе, словно о ком-то постороннем. – Не надо было идти с Динби в кабак. Не надо было ехать в эту Америку. Не надо было оставаться на пароходе. Лучше бы спрыгнул тогда. Дядя Жора подобрал бы. Подумаешь, ночь. Подумаешь, волны. Ну, промок бы немного, зато сейчас сидел бы в уютной хате и точил крючки на белугу…. Покататься захотелось? Америку посмотреть захотелось? Надо было прыгать. Почему же не спрыгнул? Испугался. Струсил. Вот теперь расплачивайся за свою трусость».

Свет пробивался сквозь щелястую крышку люка и ложился пыльными зигзагами на ящики и мешки. Кирилл ощупал себя. Вроде цел. Ну да, они и не собирались его покалечить. Завтра он им нужен на веслах. «На веслах? Будут вам весла!»

Боли он не замечал. Только немного раздражала кровь, натекающая на брови. Спрятанный тесак каким-то чудом не поранил его, провалившись в штанину. Кирилл вынул его и попробовал ногтем зазубренное лезвие. Нож был тупым и ржавым. Но и он мог пригодиться, чтобы устроить команде шхуны небольшое приключение.

В трюме можно было передвигаться только на четвереньках. Кирилл отодвинул несколько ящиков и подобрался к борту. Он хотел потопить шхуну. Устроить течь в нескольких местах. Задраить изнутри крышку люка, чтобы команда не могла пробраться в трюм и заделать дыры. И пойти на дно вместе с уродами, со шхуной и со всем ее грузом.

Наслаждаясь столь прекрасной перспективой, он все же отвлекся на секунду. Ему стало любопытно – что за груз перевозит Красавчик?

Стараясь не шуметь, он вскрыл тесаком один из ящиков, на котором было написано: «Удобрения». Забавно. Красавчик, оказывается, собирался удобрять землю патронами. Некоторые из них были в надорванных пачках из серой бумаги, но большую часть просто засыпали в ящик, как семечки. Кирилл набрал пригоршню блестящих желтых цилиндров, увенчанных черным шариком пули. «Патроны – это порох, – подумал он. – Значит, я могу не утопить шхуну, а взорвать ее. Осталось только раздобыть огня. Интересно, а что в других ящиках? Вот бы найти там спички…».

Извиваясь, как червяк, между патронными ящиками, он добрался до переборки. В соседнем отсеке трюма, наверняка, могло быть что-то такое же интересное, как «удобрения». Кирилл отодрал неплотно прибитые доски и наполовину протиснулся в пролом.

Здесь ящики были набиты гораздо плотнее, и сдвинуть их Кириллу не удалось, как он ни старался. Тогда он надрезал обвязку ближайшего ящика и поддел крышку тесаком. Она приподнялась совсем немного, упираясь в потолок трюма. Но Кириллу удалось просунуть туда руку. Он нащупал холодный металл, покрытый маслом. «Какие-то железяки, – подумал он. – Где «удобрения», там должны быть «серпы и тяпки». Так и оказалось.

Изрядно помучившись, он все-таки ухитрился вытянуть через узкую щель два револьвера.

Это были не те старые кольты, из каких стрелял капитан эмигрантского парохода. Однако Кирилл быстро разобрался в их устройстве. Револьвер переламывался стволом вниз, патроны легко и плотно прятались в каморы барабана. Правда, те, которые лежали россыпью, оказались мелковаты. А вот в бумажных пачках было то, что нужно. Эти патроны были гораздо толще, и пули в них были другие, не с закругленным кончиком, а с приплюснутым. Заряженный револьвер оказался еще тяжелее, и Кирилл подумал, что придется держать его обеими руками во время стрельбы.

Да, во время стрельбы.

Теперь ему были смешны планы геройского самоубийства. «Нет, уроды, если кому и суждено сегодня отправиться на дно, то не мне, – подумал Кирилл, упражняясь в перезарядке барабанов. – А если и мне, то это случится не здесь и не сейчас. Пусть я лучше сто раз утону возле одесского волнолома, чем тут, вместе с вами».

Он набил карманы патронами. План был прост. Выбраться наружу и пробиться к кормовой рубке. Там штурвал, там бочонок с питьевой водой, и там стены, за которыми можно укрыться. А тем, кто попытается подойти, придется преодолеть открытое пространство между мачтами.

«От револьвера больше шума, чем вреда», – вспомнились ему слова Динби. Обида вспыхнула на миг, и тут же сменилась презрением. «Продал за полсотни? Наверно, это хорошие деньги, если ради них ты пошел на такой риск. Ведь я вернусь, и мы встретимся. Что тогда? Помогут тебе твои доллары?»

Переложить руль, взять круто к западу. Как можно круче, насколько только это будет возможно сделать в одиночку, без возни с парусами. Да, все придется делать в одиночку. Уродов надо заставить связать друг друга. Их там человек пять, не больше. Связанные, они будут лежать в кубрике, а Кирилл будет их поить два раза в день. С едой придется подождать до прибытия на берег. А там Кирилл сдаст подонков местным властям, сядет на поезд и уедет в Нью-Йорк. Да, не забыть забрать у Красавчика свои пятьдесят долларов!

Все очень просто.

Кирилл поглядел на крышку люка. Ему показалось, что она неплотно прилегает к краям, и он слегка надавил на нее снизу. И крышка поддалась.

«Они даже не заперли меня!», – подумал он, приподнимая ее левой рукой. В правой руке был зажат револьвер с взведенным курком.

Повернув голову, он увидел боцмана. Тот сидел спиной к нему на бухте каната и возился с каким-то длинным предметом, лежащим на коленях. Неожиданно боцман застыл, а потом резко обернулся и вскочил.

В руках у него была винтовка.

Револьвер с грохотом подпрыгнул в руке. В следующую секунду Кирилл уже был на палубе. Низко пригибаясь, метнулся к рубке. Сзади послышался жалобный стон.

«Попал!»

У штурвала стоял высокий и худой матрос с седой шкиперской бородкой. Кирилл вспомнил, как бородач старался попасть ему каблуком в лицо. И выстрелил, не успев даже ничего сказать.

Матрос согнулся, переломившись пополам, и отлетел к кормовой шлюпке.

Кирилл вытянул руку с револьвером в сторону носовой каюты, ожидая, что сейчас оттуда выбегут остальные. Свободной рукой он уже крутил штурвальное колесо. Шхуна накренилась, и паруса на несколько мгновений обвисли, а потом снова, хлопнув, наполнились ветром. Но Кириллу было некогда следить за ними, потому что на мушке уже показался сам Красавчик.

Он нажал на спуск, и понял, что промазал.

Бросил штурвал, схватил револьвер обеими руками и снова выстрелил. Красавчик осел, взмахнув руками, и за его спиной появился еще один урод. Кирилл выстрелил по нему два раза, услышал щелчок пустого барабана, но второй револьвер тут же, словно сам собой, вылетел из-за пояса. В очередную мишень Кирилл выпустил две пули подряд.

Он присел, торопливо перезаряжая револьвер. Сколько их там? Да все равно. Патронов хватит на всех.

Ветер быстро унес пороховой дым, и Кирилл отчетливо видел всех, кого подстрелил. Боцман сидел, привалившись к фальшборту и широко расставив ноги. Голова свисала на грудь, залитую кровью. Красавчик лежал на боку, вытянув одну руку вперед. И возле руки блестел длинноствольный револьвер.

Двое других матросов подавали признаки жизни. Один стонал, скорчившись у самого входа в каюту. Другой все пытался отползти, но его руки скользили в крови. Да, крови было много. Красные потеки вытянулись по всей палубе.

«Ну, где вы там? – Кирилл нетерпеливо всматривался в темноту дверного проема. – Выходите, да и закончим».

– Эй! – заорал он, не узнавая собственного голоса. – Выходите по одному! Без оружия!

Но никто не ответил ему. Выждав еще какое-то время, он осторожно подобрался к каюте и заглянул внутрь через узкое окно. Там никого не было.

– Вот так, – сказал Кирилл. – Похоже, из всей команды остался я один.

Он вернулся к штурвалу и закрепил его, установив курс. Открыл кран питьевого бочонка и ополоснул лицо от крови, а потом долго пил. Чувствуя, что силы скоро покинут его, он торопился. Стянул всех в кубрик, в тот самый, где валялся ночью, и запер дверь на засов. Хотелось плеснуть хотя бы пару ведер воды на палубу, чтобы смыть кровь – но на это его уже не хватило. Все тело била сильнейшая дрожь. Шатаясь, как пьяный, он добрел до штурвала и повалился, обхватив голову руками. Ему казалось, что он плачет. Но глаза были сухими. Ему казалось, что он кричит во все горло – но ни звука не вырывалось из груди. Его охватывал ужас, который сменялся яростью, переходящей в отчаяние. Он выбросил за борт свои револьверы, кольт Красавчика и винтовку боцмана – и ему стало немного легче.

Понемногу Кирилл пришел в себя и занялся парусами. Их следовало подобрать, потому что ветер усиливался. Как учил дядя Жора? Парус должен ловить столько ветра, сколько нужно для легкого хода. Без крена, без напряжения. Оснастка шхуны была почти такой же, как на баркасе – ну, разве что чуть-чуть позапутанней. Сюда бы пару человек в помощь…. Но он справился и один. Привычная работа заставила его быстро забыть о том страшном грузе, который покоился в кубрике.

В каюте он нашел чистую одежду и торопливо переоделся. Особенно порадовали его новенькие сапоги. Наконец-то Кирилл смог с чистой совестью выбросить за борт стоптанные башмаки, которыми наделил его когда-то Джон Динби. Правда, он тут же пожалел об этом торопливом жесте. Во-первых, сапоги были жестковаты. А во-вторых, как хорошо было бы появиться перед Динби с парой револьверов на поясе и швырнуть ему в лицо дареные башмаки. Мол, на, предатель, мне твоего дерьма не надо….

«Ничего, ничего, – подумал он, – мы еще рассчитаемся».

Он нашел отличную шляпу черного фетра с красной щегольской лентой. Посмотрелся в зеркало и решил, что ленту лучше срезать. Открыл бутылку виски и долго протирал ссадины на лице и руках. Оказалось, что побои не нанесли особого вреда. В уличных драках ему иногда доставалось и побольше. Правда, в Одессе не били лежачего. Да он никогда и не давал сбить себя с ног.

Однажды ему крепко приложили пряжкой от ремня, прямо в скулу, чуть выше – остался бы без глаза. Да, случались драки и покруче, чем эта. Уроды явно не бывали в одесском порту, там бы их научили кой-чему…. Кирилл повеселел, и уже по-хозяйски обошел свой корабль, и

даже нашел швабру, и оттер кровь с досок. А когда он обнаружил на камбузе запасы еды, то в голову пришла шальная мысль: зачем искать берег, а потом еще и пытаться пристать к нему – не проще ли развернуться на север и дойти до Нью-Йорка морем?

Нет, не проще. В одиночку ему не справиться с таким крутым поворотом, да еще против ветра.

– Против ветра в одиночку не пойдешь, – сказал он себе.

4. В гостях у честных китобоев

Издалека берег выглядел, как длинное темное облако, зацепившееся за горизонт. Другие облака, светлые, тянулись в вышине, постепенно меняясь в очертаниях. Становилось все темнее. К вечеру Кирилл уже видел не только волнистую полосу на горизонте, но и дымы, которые тонкими струйками приподнимались к небу и таяли.

Он не представлял, как сможет войти в порт – если, конечно, там есть порт. И боялся даже подумать о встрече с другим судном. Все чаще и чаще оглядывался он на шлюпку, качавшуюся на рострах за кормой. Пока не опустилась темнота, Кирилл перенес в нее все, что могло понадобиться для длинного перехода – воду, галеты, одеяла и брезент. Когда наступила ночь, берег исчез из виду, но скоро там, вдали, уже можно было разглядеть несколько огоньков. На них он и держал курс.

Ветер крепчал, и волны шумели все сильнее. Кирилл знал, что ночью все кажется гораздо опаснее, чем днем. Надо глядеть только на компас, или заниматься работой на палубе, а еще лучше – в каюте или трюме – лишь бы не смотреть на грозную черноту вокруг.

Когда ветер донес до него шум прибоя, Кирилл бросил штурвал и перебежал на нос шхуны. До берега было еще далеко, но откуда равномерный рокот разбивающихся волн?

«Отмель, – понял он. – Не хватало только налететь на каменистую банку. Шхуна в щепки разлетится. Свернуть? Куда?»

Пока он гадал, впереди, на черной воде, уже стали видны светлые проблески пены. Да, шхуна летела прямо на мель.

– Ну и хорошо, – сказал Кирилл спокойно и бодро, как сказал бы на его месте дядя Жора. И скомандовал сам себе: – Шлюпку на воду.

Прежде чем покинуть шхуну, он развернул ее, сколько мог, в другую сторону и закрепил руль.

Он греб, стараясь держать нос шлюпки поперек волн, и заставляя себя пореже оглядываться на берег. Берег никуда не денется. Сколько до него? Ну, час спокойной гребли. Ну, два? Какая разница? Все равно – часов-то нет.

Он подумал, что часы можно было бы забрать у Красавчика. Забыл. И деньги забыл. А ведь там наверняка были деньги. Много денег. Обидно. Все пропадет.

Кирилл подтянул брезент, прикрывавший шлюпку от брызг, и подумал, что даже миллион долларов был бы всего лишь бесполезным балластом сейчас, здесь, посреди ночного океана.

Ему вспомнилась родная одесская бухта с ее ласковыми волнами, с веселой мозаикой зданий на берегах, с лиловыми силуэтами пароходов и парусников на рейде…. Как легко было грести на ялике – и как трудно сейчас. Гребешь, гребешь – а кажется, что стоишь на месте, и только переваливаешься через волны, которые набегают под шлюпку…

Над океаном появился серый просвет между горизонтом и низким небом. «Скоро взойдет солнце, – подумал Кирилл, – а я еще гребу. Может быть, меня снесло течением?»

Но в эту же секунду днище шлюпки чиркнуло о песок, и весло коснулось дна. Кирилл обернулся. Берег чернел впереди, далекий и низкий, и до него было еще метров сто мелководья, разлинованного низкими длинными волнами. Он спрыгнул в воду, схватил носовой конец и потянул шлюпку за собой. Вода то доходила до пояса, то едва доставала колен, и тогда шлюпка тяжело волочилась по дну. Совершенно измотанный, Кирилл выбрался, наконец, на берег, и рухнул на влажный укатанный песок. Сил осталось только на то, чтобы вытащить из шлюпки якорь и втоптать его в грунт. А потом он забрался под брезент и скорчился там, завернувшись во все одеяла…

Проснулся он от неяркого света. Шлюпка качалась на воде. «Прилив, – подумал он, не открывая глаз. – Не сорвало бы с якоря». Он перегнулся через борт и плеснул в лицо пригоршню воды. Якорный трос был натянут, как струна, и уходил в воду под острым углом. Подняв якорь, Кирилл принялся грести вдоль берега. Теперь он знал, куда ему надо – вон туда, где сквозь утренний туман над плоским песчаным мысом высятся несколько мачт.

Обогнув мыс, он увидел небольшой поселок. Аккуратные домики с красными стенами и белыми ставнями, невысокие дощатые заборы, несколько деревьев, длинный сарай на самом берегу – и причальная стенка, возле которой раскачивались рыбацкие баркасы, с белыми высокими бортами и черными рубками на корме.

В этот ранний час на берегу никого не было. Только одна фигура в длинном плаще и рыбацкой шляпе высилась на причале, возле плотиков, к которым были привязаны две шлюпки. Кирилл выбрал свободное место между ними, прицелился к швартовой утке и, сделав несколько мощных гребков, встал, держа носовой конец в руке. Его шлюпка, замедляя ход, плавно подошла к плотику. Кирилл соскочил на него, одним уверенным движением намотал конец на утку и повернулся к стоящему на причале аборигену.

Тот не обратил внимания ни на блестящую швартовку, выполненную Кириллом, ни на сам факт его появления из утреннего тумана. Он продолжал смотреть куда-то вдаль, и на его обветренном лице не дрогнула ни одна морщинка.

Вспомнив уроки Динби, Кирилл хотел обратиться к аборигену на матросском жаргоне, чтобы тот сразу понял, с кем имеет дело. Но почему-то не решился, и произнес вполне учтиво, как на уроке в гимназии:

– Доброе утро, сэр.

– Утро… – кивнул тот, слегка скосив глаза на пришельца.

– Не скажете, далеко ли до Нью-Йорка? – спросил Кирилл как можно непринужденнее.

Абориген нисколько не удивился.

– Сто шестьдесят миль.

– А не скажете ли, могу я кому-нибудь продать эту шлюпку?

Абориген вытянул руку и показал на зеленое двухэтажное здание в глубине поселка, возвышавшееся над красными черепичными крышами:

– Спроси у Андерсена. В нашем поселке он один все покупает и все продает.

Произнеся эту фразу, он скрестил руки на груди и отвернулся, продолжая внимательно изучать горизонт, скрытый полосами тумана.

По дорожке, выложенной плоскими булыжниками, Кирилл направился к поселку. Вид развешенных рыбацких сетей напомнил ему об Одессе, и он зашагал быстрее. Что такое сто шестьдесят миль? Несколько часов на поезде. Динби говорил, что пароходы в Россию уходят едва ли не каждый день. Не возьмут на один, возьмут на другой – матросов вечно не хватает. И всего через пару недель он увидит родной берег…

Если верить вывеске на зеленом доме, то здесь размещался отель, работал парикмахер, и стирали белье, а также предлагали снаряжение для ловли тунца. Но, похоже, вся эта бурная деятельность начнется еще нескоро. А пока в доме все спали. Даже белая лохматая собака лишь приподняла ухо, когда Кирилл прошел мимо нее, и снова заснула. Тишину нарушали знакомые звуки, раздававшиеся за домом – кто–то колол дрова. Кирилл зашел за угол и увидел невысокого человека, раздетого по пояс, в шляпе и с платком на шее. Он оперся на длинный топор и обернулся:

– Пришел катер?

– Не знаю, – сказал Кирилл. – Мистер Андерсен?

– Мистер Андерсен дрыхнет на перине, – сказал человек с топором. – Можешь разбудить его. Если ты уже ничего не ждешь от жизни. Только сначала объясни мне одну вещь. Если катер не пришел, то откуда в нашей чертовой дыре появился новый человек?

– По морю ходят не только катера, – сказал Кирилл.

– Слушай, братишка. – Человек с топором явно не торопился возвращаться к своему утомительному занятию. – Я торчу здесь уже третий день, жду катера, чтобы перебраться через залив. И если кто-нибудь поможет мне это сделать – на катере, на шхуне или на любой другой посудине – то он узнает, каким благодарным может иногда быть Энди Брикс.

– Мне очень жаль, – учтиво развел руками Кирилл. – Но у меня только шлюпка, которую я с удовольствием продам.

– Шлюпка? – Энди Брикс задумчиво почесал подбородок. – Я бы с удовольствием ее купил. Да вот беда. Мистер Андерсен рассчитывается со мной оладьями на завтрак, рыбой на обед и молитвами на ужин. Ты примешь к оплате тарелку оладий? С патокой? Можешь не отвечать.

Он поплевал на руки и снова взялся за топор. Кирилл не спешил уходить. Этот человек чем-то неуловимо напоминал ему дядю Жору. Он был примерно того же возраста, и точно так же с отвращением смотрел на гору чурбаков, которые ему предстояло наколоть.

– А когда обычно просыпается мистер Андерсен?

– Не раньше, чем я сварю кофе, – проворчал Брикс. – Он отпустил прислугу на похороны. Странное дело, у прислуги горе, а страдать должен я.

– В таком случае, – Кирилл сбросил с плеча сумку, – вдвоем мы справимся быстрее.

Он колол дрова, а Брикс пытался растопить летнюю кухню, почти такую же, какая стояла во дворе Жоры Канделаки – невысокая печурка со следами побелки и жестяной трубой, торчащей над дощатым навесом. Закопченный кофейник долго не поддавался нагреву, а когда, наконец, зашумел, Брикс неожиданно приложил ладонь к уху:

– Ого! Кажется, сегодня кофе придется варить не мне! Слышишь? Катер идет!

Он побежал к дому, на ходу натягивая кожаный жилет.

– Пора собирать вещички. А ты пока сходи на кухню. Кофе в стеклянной банке на подоконнике, сам найдешь!

Кирилл не собирался наниматься в повара к неведомому Андерсену. Ему надо было только продать шлюпку, причем ровно за такую сумму, какой хватит на билет до Нью-Йорка. С небольшим запасом. Размышляя о размерах этого запаса, он пошел вслед за Бриксом. Андерсен наверняка уже проснулся, а поговорить с ним можно и без утреннего кофе.

Он поднялся на высокое крыльцо и оглянулся. Отсюда ему хорошо был виден берег. Он увидел причал и стоящих на нем людей. Увидел паровой катер с высокой трубой, из которой вылетали хлопья сизого дыма. И увидел шхуну со спущенными парусами, которая шла за катером на буксире.

Кирилл почувствовал, как обмякли колени. Это, без всякого сомнения, была та самая шхуна. Словно что-то толкнуло его в спину. Через минуту он уже был далеко от дома Андерсена, торопливо шагая по накатанной дороге прочь от берега.

Он прошел мимо аккуратных домиков, едва сдерживаясь, чтобы не побежать. Как только дорога свернула за сад, он все-таки побежал. И понесся, не чуя ног под собой. Только слышал гулкий стук каблуков где-то сзади. Оглянулся – нет, никто за ним не гнался. Это стучали его собственные сапоги.

Дорога перевалила через пологий холм, и Кирилл немного успокоился, потому что теперь его не могли увидеть из поселка. «Да нет, я ошибся, – думал он, задыхаясь то ли от быстрой ходьбы, то ли от испуга. – Мало ли таких шхун. Ну и что же, что у этой нет шлюпки? И на палубе никого? Нет, та шхуна сейчас болтается где-то в океане. Ее не могли найти так быстро. Ну, даже если это она, что с того? Причем тут я? Да пока там, на причале, с ней разберутся…»

С ней разобрались гораздо быстрее, чем он думал. Скоро он услышал за спиной шум копыт. Кто-то свистнул. Кирилл оглянулся и увидел повозку, запряженную парой лошадей. Преследователей было так много, что их невозможно было сосчитать – они казались ворохом шевелящегося хлама, из которого торчали какие-то палки.

Убегать было бессмысленно, а спрятаться – некуда. И Кирилл зашагал спокойно и размеренно, всем видом показывая, что он ничего не боится. Ему нечего бояться. Он спокойно идет к ближайшей железной дороге. Вот поговорит с этими разгоряченными придурками, а потом заберется в товарный вагон на ходу. Правда, впереди не было никаких признаков железной дороги. А преследователи становились все ближе и ближе.

– Эй, ты! Стой!

Он отошел к обочине и остановился, поджидая их. Поправил шляпу. Посмотрел на сапоги и обтер запыленные носки о голенища сзади.

Повозка еще не остановилась, а они уже спрыгнули и окружили Кирилла. Их было шестеро, и все держали в руках какие–то багры. Нет, не все. У того, кто спрыгнул последним, в руках ничего не было. Только сумка через плечо. Это был Энди Брикс. Увидев его, Кирилл почему-то вспомнил, как резал пеньку с Джоном Динби. Вот точно так же, вызвался помочь человеку – и чем это кончилось?

– Это ты продаешь шлюпку? – спросил красномордый крепыш. Его борода, казалось, росла прямо из горла. Остальные были похожи на него, как родные братья.

Кирилл ничего не отвечал, разглядывая их оружие. Пики не пики, копья не копья. Толстое древко, отполированное ладонями, и стальной блестящий наконечник с зазубриной.

«Да это гарпун», – догадался он, наконец.

– Ты что, не слышал? Я тебя спросил, продаешь ли ты шлюпку!

Прекрасно понимая, что сейчас он может получить гарпуном по шее, Кирилл с нарочитым удивлением оглянулся и развел руками:

– Не вижу никакой шлюпки.

Красномордые переглянулись.

– Братец Кнут, погоди, – сказал тот, что выглядел постарше прочих. – Послушай, парень. Ты или ни в чем не виноват, или чертовски хитер. Мы тебе зла не желаем. Мы, честные китобои, никому не желаем зла. Но позволь спросить, откуда у тебя та шлюпка, на которой ты пришел? И почему на ней написано «Амазонка»? Не потому ли, что так называется шхуна, которую снял с мели катер? На ней мы нашли два трупа и трех раненых. И не ты ли тот самый юнга, который натворил слишком много для своих лет? И не тебя ли зовут Крис Беллоу?

Он говорил медленно и отчетливо, в голосе его звучало уважение. Кириллу вдруг стало легко и немного стыдно за свой страх.

– Кто сказал про юнгу? – спросил он, выпрямляясь и поправляя шляпу.

– Шкипер.

– А Бридж?

– Бридж мертв, – сказал братец Кнут. – Мы все его знали. Это был достойный моряк. И я буду рад увидеть, как болтается в петле тот, кто его убил. Ты понимаешь, о чем я?

«Значит, шкипер – это Красавчик, – подумал Кирилл. – Значит, он только прикидывался убитым. Он все рассказал. Вот гад, даже имя мое выпытал у Динби. Ну и ладно. Не придется врать и выкручиваться».

– Мне очень жаль, – спокойно сказал он. – Но у меня не было выбора.

Он не чувствовал ни малейшего страха. Почему-то ему казалось, что эти люди действительно не причинят ему никакого вреда. Он все им расскажет. Они поймут. И отпустят его.

– Вы хотите сдать меня в полицию? – спросил он.

– Нет, Крис Беллоу, – торжественно произнес старший. – Здесь мы все решаем сами. У нас, у честных китобоев, имеется свой судья. Виселицы у нас нет, но за садом стоит сухой дуб. Три года назад мы там вздернули одного. Получилось неплохо.

«Зря я выбросил револьверы, – подумал Кирилл. – Как бы они сейчас удивились, если б я достал их из сумки…»

– Положи свою сумку на землю, – приказал старший китобой. – И отойди с поднятыми руками.

– Держи, – сказал Кирилл и бросил сумку тому под ноги.

Они стояли кольцом, опираясь на гарпуны. Как только старший наклонился над сумкой, Кирилл что было сил ударил носком сапога под колено того, кто стоял ближе всех. Рванулся между ними и побежал по полю.

Он мчался к невысокому редкому лесу, который зеленел над песчаным холмом.

«Как только удастся оторваться, надо будет скинуть сапоги, – подумал он. – А уж босиком-то я им не дамся. Эти толстопузы и бегать-то не умеют…»

Да, бегать китобои не умели. Они и не побежали за ним. Что-то больно ударило Кирилла под лопатку, да так сильно, что он раскинул руки и плюхнулся в песок.

Когда он смог, наконец, привстать, они уже снова стояли вокруг, добродушно посмеиваясь.

Он сидел, отряхиваясь и выплевывая песок. Слюна была красной, и во рту было солоно от крови.

– Набегался? – спросил братец Кнут и замахнулся гарпуном.

Кирилл прикрыл лицо локтем, ожидая удара. И вдруг услышал голос Брикса:

– Постойте, я кое-что придумал!

«Вот гад», – подумал Кирилл, не убирая локоть.

Энди Брикс стоял чуть в стороне, весело улыбаясь и помахивая мотком веревки.

– Парни, кто из вас лучше всех вяжет узлы?

– Ну, наверно, братец Юхан, – оглядев свою команду, решил старший. – Только к чему это все? Мальчишка и сам дойдет до сада. Никуда не денется.

– Братец Юхан? – переспросил Брикс.

– Это я, – отозвался толстяк в черной рубашке.

Энди Брикс кинул ему моток. Веревка летела к братцу Юхану не слишком долго. Наверно, меньше секунды.

Но этого времени хватило на то, чтобы в руках у Брикса вдруг появились два небольших револьвера.

– Что ты задумал, незнакомец? –хмуро спросил старший. – Мы в поселке не держим никакого оружия. И ты сказал, что у тебя нет ничего такого, когда пришел к нам…

– Да разве это оружие? – улыбнулся Брикс, плавно отступая и поводя револьверами из стороны в сторону. – Вы своими гарпунами убиваете кита. А эти игрушки ни на что не годятся. Вот, полюбуйтесь.

Два выстрела ударили почти одновременно. И два гарпуна переломились в руках бородачей.

– Ну, какое же это оружие? – продолжал улыбаться Брикс. – Эти пульки не пробьют даже лоб китобоя. Коленную чашечку, конечно, я прострелить могу, но лоб – вряд ли. Вам все понятно, парни? Братец Юхан, будь добр, свяжи-ка своим приятелям руки за спиной. Да покрепче.

Кирилл не верил своим глазам. Сидя на песке, он смотрел, как грозные здоровяки послушно поворачиваются спиной к ловкому братцу Юхану.

– Эй, юнга! – позвал его Брикс. – А ты сам-то понимаешь толк в узлах?

– Немного, – Кирилл вскочил и надел шляпу.

– Тогда выдерни пояс у Юхана и свяжи ему руки. Только сначала посмотри, как это делал он сам. Отличная работа, должен заметить.

Когда все китобои были связаны, Брикс приказал:

– Ложитесь, ребята. Я думал, что уйду отсюда на катере. Не получилось. Придется воспользоваться вашей каретой. Вы найдете ее в Вайнбурге, у шерифа. Надеюсь, он окажется достойным человеком, и вернет ее вам, как только вы явитесь. Но пока – лежите, отдыхайте. Юнга, ты ничего не хочешь сказать братцу Кнуту? Это он саданул тебя в спину, хорошо еще, что тупым концом. Не хочешь?

Кирилл помотал головой.

– Умеешь править лошадьми?

– Нет, – признался Кирилл.

– Оно и понятно. Ты же морской волк. Ничего. Из моряков получаются отличные ковбои.

5. Дюны

Пролетка неслась по дороге, петляющей между дюнами, и неслась так быстро, что Кириллу пришлось вцепиться в боковой поручень, чтобы не вывалиться на повороте. Лошади помахивали коротко остриженными хвостами и недовольно всхрапывали каждый раз, когда Энди щелкал вожжами над их спинами.

«Зря он им сказал, куда мы едем, – думал Кирилл, косясь на молчащего попутчика. – Наверно, здесь только одна дорога, и ведет она, скорее всего, в Вайнбург. Винный Город. А что, если он сдаст шерифу пролетку вместе со мной? От американцев всего можно ожидать. Может быть, пока не поздно, соскочить?»

Под колесами прогудел мостик через небольшую речушку, и Энди Брикс привстал, натянув вожжи.

– Приехали, Крис. Ты, наверно, думаешь, что я такой же добропорядочный идиот, как те китобои? Им придется долго объяснять шерифу в Вайнбурге, какую именно пролетку они хотят у него забрать. Потому что сейчас мы с тобой закатим их карету вон туда, в тростники. И пусть она спокойно сгниет там. А лошадки отвезут нас в Миллвиль, где мы пересядем на поезд. И когда шериф, наконец, дойдет до кипения и вытолкает китобоев из участка, мы с тобой будем уже далеко-далеко. Кстати, куда тебе надо?

– В Нью-Йорк. А тебе?

– А мне в Нью-Мексико. Вот забавно. Звучит почти одинаково. А ехать придется в разные стороны. Тебе на север, мне на юг.

Сначала они распрягли лошадей и вдвоем закатили пролетку по топкому берегу в глубь тростников. Потом долго разглаживали следы на песке. А затем Брикс помог Кириллу забраться на неоседланную лошадь.

– Не сиди, как мешок с мукой! Обними ее коленями, будто она хочет из-под тебя вырваться! И не бойся ее, эти кобылы не кусаются.

– Я не боюсь.

– А я вот первое время страшно боялся лошадей, – сказал Брикс. – От высоты голова кружилась.

Кирилл первый раз в жизни ехал верхом, и у него тоже на миг закружилась голова, как только он глянул вниз. Он устроился поудобнее, чтобы не биться копчиком о твердый лошадиный хребет, и подумал, что обязательно упадет, если кобыла припустит галопом. Но та шла спокойно и размеренно вслед за лошадью Брикса.

Они двигались по речке, которая становилась все уже, и скоро превратилась в ручеек, извивающийся между камышами.

– Можешь не отвечать, – заговорил Брикс. – Но мне просто интересно, из чего ты стрелял. Шестизарядник?

– Да.

– И уложил пятерых? Неплохо.

– Двоих, ты же слышал.

– Да, слышал. Знаешь, в чем твоя ошибка? Надо было их выбросить за борт. Похоже, они того заслуживали.

– Да.

– Зачем ты с ними связался? Хотел заработать?

– Я не связывался. Мы с другом… – Кирилл осекся. – Мы с одним парнем зашли в ресторан в Нью-Йорке. Я что-то выпил. Заснул. Очнулся уже на шхуне. Ну, а потом…. У меня не было выбора.

– Понятно. Тебе подмешали отраву. Эта штука называется гидрохлорид. Свободно продается. У каждой нью-йоркской проститутки есть в сумочке такой флакончик. Тебе повезло, Крис. Некоторые не просыпаются.

– Да, повезло.

Они пересекли небольшое болото, покрытое красным мелким кустарником, откуда вспархивали напуганные птицы. Их крылья, в черно-белых пятнах, были похожи на шахматную доску.

Пожалуй, только птицы и напоминали ему, что он находится, черт знает, как далеко от дома. Все же остальное было таким же, как в России. Песок, кусты, чахлые сосенки. Даже кулики, перебегавшие по песчаным плесам, пересвистывались точно так же, как где-нибудь на херсонском лимане.

– Не верти головой, а то сверзишься! – Брикс оглянулся. – Ну, и что за дела у тебя в Нью-Йорке? Хочешь найти о своего приятеля, который тебя подставил?

– Нет, – Кирилл пожал плечами. – Просто хочу вернуться домой. Скажи, Энди, долго еще до железной дороги?

– Хочешь знать, долго ли тебе еще терпеть мою болтовню? – усмехнулся Брикс. – Ты уж прости, братец Крис. Но я два года не мог перекинуться словом с приличным собеседником. Прикинь – сначала меня полгода держали в карцере, потом еще год в одиночке, и только зимой перевели на работы. Я строил дамбу в Миллвиле.

Но каторжане – публика молчаливая. К тому же в моей команде почти все были черные. А тот шотландец, который считал себя белым, был мне глубоко противен. Мог ли я с ним поговорить? Нет, не мог. А за разговоры с охранником можно было опять схлопотать карцер. Вот какие порядки в Миллвиле.

– Ты был в тюрьме?

К его бессмысленному вопросу Энди Брикс отнесся вполне серьезно.

– Был ли я в тюрьме? Наверно, правильный ответ будет следующим – я и сейчас в тюрьме. По крайней мере, так думают все, кто меня знал. И ты говоришь, у тебя был шестизарядник? И ты уложил пятерых? Ну-ка, расскажи все по порядку…

– Что рассказывать?

– Всё. Где стоял ты, где – они. Какое оружие было у них, как они двигались, и как двигался ты. На какой дистанции шел бой. Какие были укрытия, и как ты ими воспользовался. Я хочу знать всё.

– Зачем?

– Как бы тебе объяснить…. Все, что с нами происходит – это вроде школы. И каждый встречный – вроде учителя. Китобои дали нам хороший урок. А мы – им. И каждый что-то получил от встречи. Дошло до тебя? Там, на шхуне, у тебя была контрольная работа. Я тоже хочу приготовиться к подобной проверке, и ты мог бы мне помочь. В моей башке полное собрание перестрелок, моих и чужих. Я до сих пор жив только потому, что учусь на чужих ошибках. Ты не хочешь говорить об этом? Странно. Ладно, будем молчать.

На самом деле Кирилл как раз хотел говорить об этом. Просто не мог. Чужую речь он понимал легко. Ну, если чего-то и не понимал буквально, то догадывался. Но вот говорить…

– Будем молчать, – повторил Брикс. – Сказать по правде, уважаю молчунов.

– Я не молчун, – сказал Кирилл. – Я как собака. Все понимаю, а сказать не могу.

– Говори, как можешь. Тебе это нужно. Нужно рассказать обо всем, иначе свихнешься. Все, что с нами случается, нельзя хранить внутри. Потому что это лишний груз. Расскажи – и забудь. В памяти надо оставить только опыт. А сейчас у тебя голова забита всякой ерундой. Кровь, страх, ненависть. Это лишнее.

Если эти ублюдки заставили тебя стрелять, значит, они получили по заслугам. Правда, ты не довел дело до конца, но это простительная ошибка. Эх, Крис, если бы мне в твои годы встре-

тился такой человек, каким я стал сейчас…. Я тоже молчал обо всем, что со мной случалось. А кому я мог рассказать? Больной мачехе? Вечно пьяному отцу? Или младшим братишкам?

Мне было пятнадцать лет, когда я впервые застрелил человека. И ты первый, кому я об этом говорю. Может быть, вся моя жизнь сложилась бы иначе, если б меня тогда успели сцапать. Я бы все рассказал шерифу. Знаешь, люди так удивляются, что пойманные преступники все рассказывают о себе. Ведь собственноручные признания многих прямиком привели на виселицу. Казалось бы, просто: держи язык за зубами, и останешься в живых. Но нет. Выкладывают все, с подробностями. Потому что иначе можно свихнуться. Понимаешь меня?

– Конечно.

– Ни черта ты не понимаешь, – сказал Брикс. – Тебе не мешало бы посмотреться в зеркало.

– А что? Кровь? – Кирилл ощупал висок, на котором запекся рубец, оставленный боцманом.

– Да, кровь. В глазах. Я, как только увидел тебя, сразу подумал: парнишка кого-то завалил. Давай, выкладывай все по порядку. Потому что мне нужно, чтобы ты выглядел, как нормальный человек. А не как беглый висельник. Давай. Расскажи, как ты их завалил. С чего началась заваруха?

– Заваруха началась с того, что я нашел оружие, – сказал Кирилл.

Понемногу его речь становилась все более уверенной. Он перестал бояться ошибок и не задумывался о согласовании времен, а нужные слова сами собой отыскивались в памяти. Брикс слушал его внимательно, иногда останавливая неожиданным вопросом. А когда Кирилл закончил, то Энди привел пару поучительных примеров того, как вести себя в подобной ситуации.

Скажем, когда на Дикого Билла Хикока наехала банда Макканлесов, он не стал дожидаться повода для честной дуэли.

Во-первых, Дэвид Макканлес был слишком хорошим стрелком, а во-вторых, рядом с ним всегда были трое братьев. Один против четверых? Никаких шансов.

Однако у Дикого Билла имелось особое мнение на этот счет. Он сидел в таверне, и, наверно, ломал голову, как поступить. После стычки с Дэвидом тот пообещал его убить. Можно было бы на все плюнуть и незаметно уехать из Небраски. Но тут Дикий Билл глянул в окно и увидел, как вся шайка скачет по дороге к таверне.

И что он делает? Он хватает со стены капсюльную винтовку, с которой хозяин таверны ходил на бизонов. Выскакивает на крыльцо, прицеливается – и стреляет. Дэвид Макканлес был от него в полутора сотнях шагов. Но бизонья пуля вышибла его из седла, да еще забрызгала братьев кровью и осколками костей.

Братья, само собой, в праведном гневе помчались на Дикого Билла, паля на ходу. А он спокойно стоял на крыльце. Спокойно оперся локтями на перила. И спокойно завалил всех троих из своего кольта, как только они приблизились на подходящую дистанцию. А уж потом сел на жеребца и, не дожидаясь шерифа, покинул Небраску. Кстати, с тех пор его и стали называть Диким Биллом.

Нечто подобное случилось и с одним знакомым Энди Брикса. Тот сидел в захолустной тюрьме за какое-то мелкое прегрешение, когда на городок налетела банда Хатча Рамиреса. Собственно, сам-то Хатч находился за решеткой, и банда просто разнесла тюрягу по бревнышку, чтобы освободить предводителя.

Ну, знакомому Брикса ничего не оставалось, как присоединиться к налетчикам. Вечером бандиты укрылись в пещере, и там он подслушал их разговор – они не знали, что он понимает по-испански, и обсуждали, как поступить с новичком. Решено было избавиться от него самым гуманным способом – прирезать во сне, перед рассветом. Только вот знакомый Брикса тоже не стал дожидаться рассвета, а голыми руками придушил одного бандита, овладел его ножом,

а потом потихоньку вырезал всю банду, включая Хатча. Да еще и получил пятьсот долларов, когда бросил его труп в пыль возле полицейского участка.

– В общем, кто стреляет первым – тот выигрывает, – заключил Энди Брикс. – Если, конечно, он стреляет в противника, а не в землю перед ним, как это обычно и бывает.

Он поглядел на небо и остановил лошадь.

– Все, солнце уже высоко. Здесь мы будем ждать ночи. Ты есть хочешь?

– Нет.

– Отлично. Потому что еды-то у меня никакой и нет. Знаешь, Крис, пока я буду спать, ты мог бы разорить пару гнезд. В детстве мы часто так делали, собирали яйца диких уток…

– У меня есть галеты, можем перекусить. – Кирилл огляделся. – А почему нам нельзя двигаться дальше?

– Потому что дальше нас будет видно как на ладони. Несколько миль сплошных дюн.

– Ты хорошо знаешь эти места, – заметил Кирилл, осторожно сползая с кобылы.

– Да нет, не слишком. Просто сейчас мы идем тем же самым путем, каким я бежал из тюрьмы. Только в обратном направлении. Понимаешь, тюремщики кинулись искать меня на пути к железной дороге, а я ушел к океану. А теперь они обо мне, надеюсь, малость подзабыли, и до рельсов-то я точно доберусь. Но это будет к завтрашнему вечеру. А пока давай спать. Ты еще не передумал насчет Нью-Йорка? А то давай вместе махнем в Техас.

– Кому я там нужен?

– А кому ты нужен в Нью-Йорке?

Кирилл ничего не ответил.

Они завели лошадей в камыши, а сами устроились под ивой, низко склонившейся к воде. Сквозь густую сетку листьев хорошо просматривались берега маленького озера, одного из тех, которыми была усеяна низина между дюнами. Энди свернул сумку и положил ее себе под голову, предварительно вынув револьверы. Сладко зевнул и потянулся.

– Так говоришь, у тебя были два кольта? Жалко, что ты их выбросил. Но я тебя понимаю. Говоришь, к ним подходили только самые большие патроны? Наверно, сорок пятый калибр. Да, жалко. Эти-то игрушки я забрал у охранников. Двадцать второй калибр. Ими, конечно, можно напугать простаков, или, если повезет, подстрелить голубя. Но для серьезного дела нужен сорок пятый. Ты почему не ложишься?

Кирилл с трудом выпрямил затекшие конечности и опустился на прохладную землю возле замшелого ствола. Прогулка верхом оказалась слишком тяжелым испытанием. Он так и не смог улечься; сидел, прислонившись к стволу и от души завидуя Энди, который уже беспечно похрапывал.

«Кому ты нужен в Нью-Йорке?»

Конечно, можно было бы рассказать обо всем. Об Остерманах, об Одессе, о том, что дома его ждет взбучка от матери и тошнотворное ожидание нового учебного года в гимназии…. Да только Энди Брикс ничего не поймет. Как перевести на английский, что такое переэкзаменовка по алгебре? Как объяснить, что, если Кирилл не сдаст алгебру, то его обязательно отчислят? А ведь он не сдаст, это точно…

«Ну и пусть отчислят, – вдруг подумал он. – Не пропаду. Вернусь, напишу роман, стану знаменитым писателем. Как Вальтер Скотт. Разве Вальтер Скотт кончал гимназию? Вот и я обойдусь без нее! Да, но для мамы это будет таким ударом…. Зато теперь никто не мешает ей любезничать с этим мерзким аптекарем. Ну да, теперь-то она может и замуж за него выйти. А что? Свободная одинокая женщина, красивая и еще молодая. Точно! Без меня ей будет легче …»

Он не мог спать, и просто сидел, глядя на пляшущую тень от листьев.

Где-то недалеко заржала лошадь, и Энди моментально поднял голову. Он быстро приложил палец к губам и выхватил револьвер.

Кирилл затаил дыхание.

Слышался хруст камышей. Фыркнули лошади, и снова раздалось короткое ржание.

Брикс осторожно вытянул из-за пояса второй револьвер и, держа его за ствол, протянул Кириллу.

Чужие голоса раздались неожиданно близко.

– Это те самые кобылы?

– Ну да!

– Думаешь, они бросили лошадей и пошли пешком?

– Тихо! Они просто отлеживаются где-то поблизости. Брикс не такой дурак, чтобы разгуливать среди бела дня.

– Он мог их бросить, чтобы запутать нас.

– Заткнись, Том! Лучше взведи курок, и стреляй, как только что-нибудь заметишь.

Энди похлопал Кирилла по колену и показал пальцем в сторону. Там, над камышами, мелькнула белая шляпа, потом вторая, черная.

Брикс шепнул:

– В белой шляпе – мой…

И плавно поднял кольт, держа его обеими руками и целясь сквозь листву в сторону камышей.

Кирилл почувствовал, как рукоятка револьвера становится скользкой. Он вытер ладонь о колено и снова навел качающийся ствол на черную шляпу, плывущую над макушками камыша.

«Не попаду», – подумал он. Согнул левую руку в локте и положил ствол револьвера на предплечье. Так было удобнее, но мушка все равно плясала. Сквозь шум в ушах он вдруг услышал странную мелкую дробь. И не сразу понял, что это стучат его зубы. Он приоткрыл рот. Но теперь появилась новая беда – пот стекал со лба прямо в глаза, а Кирилл не мог шелохнуться, чтобы его вытереть…

Камыши вдруг раздвинулись, и он увидел черную лошадь. Всадник в белой шляпе поднял над головой винтовку и обернулся.

– Том, обойди вон ту иву, – проговорил он вполголоса.

Вторая лошадь была светло-рыжей, и Кирилл видел, как мелькает ее блестящая кожа за частоколом толстых стеблей. Черная шляпа поплыла вправо, и он провожал ее мушкой.

«Что я делаю? – вдруг ужаснулся он. – Я не буду стрелять в этого человека! Это же не Красавчик, не боцман! Не Динби! Просто человек, обычный человек, который выполняет свою работу…»

– Давай! – неожиданно выкрикнул Брикс.

Кирилл зажмурился и что есть силы надавил на тугой спуск. Грохот выстрелов оглушил его.

Энди стоял на коленях и стрелял куда-то по камышам.

– Бей!

Он снова выстрелил в ту сторону, где блестел рыжий бок лошади. Энди толкнул его в плечо и на четвереньках пополз в сторону, перекатился за ствол ивы, привстал на колено и выстрелил еще два раза. Кирилл сообразил, что надо сместиться подальше. Ноги не слушались его, а руки безвольно подломились, когда он попытался отползти. Он оказался на открытом месте и не придумал ничего лучше, как упасть прямо в воду.

Стояла мертвая тишина. Не было слышно ни птиц, ни лягушек.

Энди Брикс бесшумно, как призрак, скользил в камышах, низко пригнувшись и выставив перед собой револьвер. Вот он скрылся за пестрой зеленью. И через бесконечно долгую минуту показался обратно.

– Готовы оба. Помоги мне.

Один из убитых лежал головой в луже, и вода была ярко-красной. Второй повалился в камыши лицом вниз, кожаный жилет на спине был залит кровью.

Лошади равнодушно выщипывали побеги у себя под ногами.

– Знаешь, в чем была моя ошибка? – спросил Брикс, быстро обыскивая убитых. – Я совсем забыл про телеграф. А китобои – не забыли. Эти парни – помощники шерифа из Миллвиля. Нам повезло. Если б они заметили нас первыми, ты бы уже никогда не попал в Нью-Йорк. Смотри-ка, ты угодил ему в глаз. Хорошая работа, Крис.

– Что теперь? – спросил Кирилл, пытаясь справиться со спазмами в желудке.

– Теперь у нас есть хорошие лошади. Оседланные, так что остаток пути будет гораздо приятнее. По правде говоря, у меня задница просто горит. И вдобавок у нас есть пара винчестеров, так что мы еще повоюем. О, ты смотри, у него в кошельке целое состояние – тридцать пять долларов! Держи винчестер.

Кирилл взял винтовку за ствол и оперся на нее, потому что колени подгибались.

– Надо уходить, – выдавил он сквозь зубы.

– Еще рано, – помотал головой Энди. – Будем ждать темноты. Тебя что, мутит? Это бывает. Иди, полежи. У тебя сегодня выдался тяжелый день.

Едва забравшись под крону ивы, Кирилл повалился на землю. Все поплыло перед глазами, и он прижался лицом к палой листве в ложбинке между толстыми корнями. Ему было слышно, как Энди возится с лошадьми, куда-то уводя их…. А когда он открыл глаза, было уже темно.

6. Вагон идет на запад

К исходу ночи они уже были возле железной дороги. Ждать пришлось недолго. Поезд замедлил ход на подъеме, и они успели забраться в вагон через пролом в стене. Сначала Энди забросил внутрь мешки, потом залез сам и протянул руку Кириллу.

– Давай живее!

– Энди, а ты уверен, что этот поезд идет в Нью-Йорк?

– Потом разберемся, залезай!

Это был вагон для скота, с переборками внутри и с решетчатыми стенами. Энди живо приладил пару досок, перегораживая пролом.

– Теперь сюда больше никто не сунется. Красота! Соломы-то сколько! Мы будем спать, как богачи, на самой мягкой в мире постели! – Он присыпал соломой мешок с оружием и принялся раскатывать одеяло. – Устраивайся, Крис. Поспи хотя бы часок. Днем нам придется быть настороже.

– До Нью-Йорка сто шестьдесят миль, – сказал Кирилл. – Значит, поезд будет там примерно через шесть-восемь часов, так?

– Может быть, и так. А может, и нет. Я не знаю, что будет через час, а ты вон куда заглядываешь…

Через час поезд пронесся мимо какого-то большого города, прогремел по мосту через широкую реку, и снова сквозь широкие щели не было видно ничего, кроме мелькающих деревьев.

Шло время, поезд летел то вдоль перелесков, то между голыми холмами, и, наконец, остановился на маленькой станции. Кирилл растолкал Брикса:

– Энди, посмотри, где мы.

Брикс протер глаза кулаком, подобрался к стенке и заглянул в щель. Кирилл устроился рядом, но не видел ничего, кроме такого же вагона, стоящего на соседнем пути. Когда же поезд тронулся, и мимо них проплыл столб с какой-то надписью, Энди присвистнул:

– Лихо же они тут гоняют! Ты смотри, я вроде на минутку глаза прикрыл, а мы уже в Мериленде. Если так и дальше пойдет, то мы с тобой через пару дней окажемся в Техасе.

– Как – в Техасе?

– Вот так, братец Крис. – Энди потрепал его по плечу. – Ну что ты смотришь на меня, как на привидение? Я и сам не знал, куда свернет поезд. Решил так: если на север, значит, я поеду с тобой в Нью-Йорк. Без меня ты пропадешь, это же ясно. А если на юг – то ты поедешь со мной. И поможешь мне.

– Что? Чем я могу тебе помочь?

– Да есть одно дело…. В моем положении, сам понимаешь, не во всякую дверь сунешься. Нужен надежный попутчик, которого можно было бы послать вместо себя. Скажем, в банк, где лежат мои деньги. Или на почту заглянуть – нет ли писем для меня.

– Не знаю, Энди…. Ну как я получу твои письма?

– Да очень просто. Назовешь нужное имя, тебе и дадут. А ты отдашь мне. Да ты не сомневайся, я тебя научу. Всему научу. Раз уж мы встретились, и раз уж у нас так славно все получается – зачем расставаться? Ну, задержишься на неделю-другую. Зато посмотришь, как живут люди на Западе. Тебе там понравится, вот увидишь. И возвращаться не захочешь. Ну, как, я тебя уговорил? Можешь не отвечать.

***

Энди Брикс родился в Мэнсфилде, штат Огайо. Мать умерла, когда ему не было и десяти лет, а в одиннадцать он впервые попался на краже. Потом еще пару раз. Наконец, судья решил,

что отец Энди не справляется со своими родительскими обязанностями, и мальчишку упекли в исправительный дом.

В четырнадцать лет Энди удрал оттуда и вернулся домой. Отец к тому времени снова был женат, и в их доме уже ползали по полу два младенца. Энди не захотел быть лишним ртом и попытался устроиться на работу. Он разносил по лавкам товар со склада, и однажды оказалось, что товар-то краденый. Так он снова оказался за решеткой. А когда вышел на свободу, бывший сокамерник пристроил его в привокзальный буфет.

Однажды ночью там кутили проезжие ковбои. Один из них придрался к Энди. Затеял драку. Ковбой был на две головы выше, кулаки у него были просто чугунные. Брикс попытался сбить его с ног своим коронным нырком головой в живот. Оба повалились на пол. Энди нащупал рукоятку ковбойского кольта и, не вынимая из кобуры, нажал на курок. Пуля угодила противнику в пах, на этом драка закончилась. У Энди было два десятка свидетелей, которые под присягой подтвердили бы, что он стрелял, защищаясь. Однако парень решил не дожидаться шерифа.

Дело в том, что в штате Огайо очень не любили рецидивистов. Если человек попадал под суд в третий раз, то его объявляли неисправимым преступником и отправляли на пожизненную каторгу. Энди знал об этом еще с исправительного дома. И не стал рисковать. Он вытащил кольт из кобуры воющего ковбоя и навел его на зрителей. Зрители расступились. Брикс вышел из буфета и вскочил на подножку первого попавшегося вагона. Вагон привез его на Запад.

Энди мог бы много рассказать о своей юности. Но вместо этого он сказал только одно:

– Ненавижу город. Любой город. И чем он больше, тем больше я его ненавижу. Нормальному человеку там нечего делать. Ты, Крис, нормальный человек. Поэтому я и решил взять тебя с собой. И хватит об этом. Давай займемся делом. – Он запустил руку в мешок и, пошарив там, вытащил револьвер. Вытряхнул патроны и кинул его Кириллу. – Чтобы жить на Западе, тебе нужно кое-чему подучиться.

Поезд несся между лесистых холмов, пустой вагон шатало из стороны в сторону, и Кирилл стоял, широко расставив ноги для устойчивости.

– Не стой так, – говорил Энди, – а то тебе яйца отстрелят. Стой боком, если стреляешь с двух рук. А с бедра тебе стрелять рановато. Развернись так, будто стреляешь из винтовки. Подайся вперед. Целься исподлобья. А теперь, мистер, засадите-ка мне две пули между глаз.

Раз за разом он выхватывал кольт из-за пояса и наводил на Энди, который лежал напротив него, покуривая трубочку.

– Мимо, – говорил Брикс, – пуля ушла выше головы. Мимо, рядом с ухом. Эта – в грудь, но я же просил между глаз, братишка.

Когда-то Энди и сам учился примерно так же. Его наставниками были стрелки знаменитого скотовода Остина Крейна, который принял парня на работу.

Правда, то, чем ему приходилось заниматься, трудно было назвать работой. Это была война.

Наемные стрелки должны были защищать своего хозяина в его спорах с соседями. Просторные земли к западу от Миссури еще не были поделены между собственниками. А собственником считался любой, кто мог заявить о своем праве на эту землю. Заявить, доказать и отстоять это право – не в суде, а в чистом поле, с оружием в руках. Герои-одиночки не могли продержаться здесь дольше месяца, и земли им доставалось немного – три шага в длину, два в ширину. И шесть футов в глубину.

Любой, кто хотел захватить кусок пожирнее, обзаводился своей армией. Мясные бароны объединялись в союзы, которые иногда распадались, а порой разрастались в целые федерации. Наемникам было все равно, кому служить, лишь бы платили исправно. И все равно, в кого стрелять. Лишь бы выстрелить первым.

Семь лет Энди Брикс объезжал границы пастбищ, отбиваясь, то от индейцев, то от соседей. Бесчисленные стада паслись в прерии, и далеко не каждый бычок имел тавро. А если и имел, то его было несложно переклеймить. Тысячи голов скота по нескольку раз меняли своих владельцев. Как только обнаруживалась пропажа, стрелки отправлялись на поиски. Иногда они возвращались, ведя вместе с пропавшими коровами еще сотню-другую. Иногда не возвращались вовсе. Все зависело от удачи. И от умения стрелять, читать следы и выживать в прерии.

– Я научу тебя всему, – говорил Энди. – Но для начала ты должен освоить наш язык. Там, на Западе, чужака быстро распознают по говору. Ну-ка прицельсь в меня и скажи: «Друг, положи оружие на землю».

Кирилл выхватил револьвер и прорычал:

– Оружие на землю!

– Не так, – поморщился Энди Брикс. – Ты хочешь меня напугать своим криком? Разве я похож на городскую девчонку? Если ты навел на человека ствол и целишь ему между глаз – он и так понимает, что пора молиться. Незачем унижать его грубостью. Конечно, нам придется иметь дело с отъявленными подонками, но ведь и они ценят вежливое обращение. Да, ценят, причем не меньше, чем банковские служащие.

Даже целясь в директора банка, не надо хамить ему. Он и так обделается, заглянув в дуло твоего кольта. Ты должен не пугать человека, а просто показать, что ему выгоднее подчиниться, чем дергаться. А от лишнего страха многие дергаются. Особенно молодые охранники. С полицейскими проще. Они спокойно поднимают лапки и смотрят, как ты уносишь деньги, которые им положено охранять. Полицейские знают: им все равно заплатят жалованье, особенно если они организуют за тобой погоню. Вот представь, что я – полисмен, огромный детина в мундире и с блестящей звездой на пузе…

– Я не собираюсь стрелять в полицейских.

– Никто и не просит, чтоб ты стрелял. Просто наведи ствол и попроси положить оружие.

Это уже было похоже на занятия в любительском театре. Кирилл пытался сыграть роль злодея, а Энди все время одергивал его и добивался единственно верной интонации.

– Ну что ты корчишь из себя какого-то психа! У тебя такое благородное лицо, и все повадки мальчика из приличной семьи. Вот и оставайся таким мальчиком. Пойми, твой противник просто остолбенеет от неожиданности, когда эдакий ангелочек сунет ему под нос пушку сорок пятого калибра!

– Это двадцать второй, – напомнил Кирилл.

– Ничего, будет у тебя и настоящий ствол.

– Знаешь, раньше я немного иначе представлял себе, чем занимаются ковбои.

– Ну, зимой у ковбоев бывает много свободного времени, – ухмыльнулся Брикс. – Некоторые проводят его в городах. Некоторые при этом проигрываются в карты. Приходится искать деньги. Разными способами. Но ты мне зубы-то не заговаривай. Ну-ка, попробуй теперь повторить всё с двумя пушками…

А поезд все мчал куда-то. На большой станции вагон отцепили, и им пришлось целый день болтаться между путями. Это был Мемфис. Оттуда они доехали до Литл-Рока, а там пересели в такой же скотский эшелон и добрались до Сиско. Все эти города были хорошо знакомы Энди, и он рассказывал об их достопримечательностях, поглядеть на которые Кирилл сможет на обратном пути. А пока приходилось перебегать от состава к составу, выбирая тот, который скоро отправится порожняком дальше на запад, за скотом.

Пейзаж за стенами вагона заметно изменился. Теперь эшелон мчался по бескрайним степям с высокой травой и редкими прозрачными рощицами низкорослых акаций. То и дело на склонах пологих холмов пестрели стада коров. Иногда проплывала ажурная башенка ветряка. Как-то у реки мелькнули остроконечные палатки, и Энди показал на них пальцем:

– Индейцы…

Однажды ночью Кирилл проснулся, когда вагон слишком долго стоял посреди непонятной тишины. Сквозь широкие щели он увидел ночное небо в таких крупных лохматых звездах, что они не помещались в щелях целиком. Такие звезды раньше он видел только у себя дома, на ночном берегу.

– Приехали, – сказал Энди Брикс.

7. Техас

Они выбрались из вагона, который стоял посреди бесконечности. За горизонт уходила нитка рельсов. Слева и справа размеренно дышала ночная степь. Вагон стоял в тупике у покатой дощатой платформы, с которой на него будут грузить скот. Пока животных не было видно. Как, впрочем, и людей. Но это не огорчило Энди и Кирилла. Взвалив свои мешки за спину, они дружно зашагали по еле заметной дорожке в высокой траве.

Их путь лежал в Каса Нуэва. Там жили друзья Брикса, и он рассчитывал на их помощь. Энди хотел вернуться на ранчо Остина Крейна, да только не знал, где оно сейчас находится – в Техасе, в Нью-Мексико или в самой Аризоне?

Скоро они перебрались через реку и оказались в местах, которые были хорошо знакомы Бриксу. Отсюда до Каса Нуэва лежали две дороги. Одна, длинная и наезженная, проходила вдоль реки. Другая, короткая и опасная, вела через пустыню.

Здесь не было песчаных дюн и солончаков. Пустыня была похожа на запекшуюся корку крови на огромной ране. Струпья глины, прокаленной до кирпичного цвета, кое-где перемежались россыпями камней и одинокими кактусами. Еле приметная дорога пересекала безжизненное пространство. Но этот унылый вид, тем не менее, нравился Бриксу гораздо больше, чем живописные просторы прерии. Здесь не надо было опасаться выстрела из засады, и любую погоню можно было обнаружить достаточно быстро, чтобы уйти от нее.

Но и здесь, в мирной и безмятежной глуши, жизнь оставалось такой же, как везде – опасной и беспощадной.

– Что ты скажешь об этих следах? – спросил Энди, остановившись и разглядывая дорогу.

Кирилл видел узкую колею, оставленную в песке двухколесной повозкой, которая свернула с дороги, постояла, а потом повернула обратно. Двуколка была запряжена парой мулов, продолговатые отпечатки их копыт были густо перемешаны с конскими следами.

– Кажется, здесь недавно проехали несколько всадников и телега…

– Сколько всадников? – Энди присел и потрогал лунку, оставленную конским копытом.

– Ну, не знаю… – Кирилл тоже присел, радуясь передышке.

– Смотри, лошадиные следы появились только здесь. До этого кони шли по траве. Ну-ка, ну-ка… – Энди прошел вперед, свернул в траву и вернулся на место. – Так и есть. Парни подскакали сюда, а дальше уже поехали вместе с повозкой. Смотри, дальше некоторые отпечатки уже не такие глубокие. Что это значит?

– Наверно, кто-то из всадников пересел в повозку?

– Соображаешь.

Они пошли по дороге, разглядывая следы. Прошло, наверно, с полчаса, когда Энди сказал, словно продолжая разговор:

– Видишь, Крис? За повозкой шли три лошади без седоков.

– Зато один седок шел без лошади, – Кирилл показал на отпечаток сапога.

– Это не седок, – подумав, решил Брикс. – Это тот парень, у кого отняли повозку. Он идет за ними. Но не торопится. Наверно, переждал часок, чтобы они скрылись, и пошел себе, проклиная судьбу и мечтая о возмездии.

Прошло еще минут десять в полной тишине, и Энди снова добавил:

– Значит, трое пересели в повозку. Спрашивается, почему? Потому что не могли держаться в седле. Значит, были ранены.

– Кровь на камнях, – показал Кирилл. – Видишь? Наверно, здесь кто-то сидел. Капли падали рядом.

– Наверно, – согласился Энди. – Может быть, его перевязывали здесь.

– Смотри, снова кровь!

Кирилл захватил пальцами щепотку пыли с темным свалявшимся комком.

– Кровь капала из повозки. Они, наверно, плохо перевязали своих раненых.

– Да, крови все больше, – сказал Брикс. – Плохой знак. Не довезут.

Длинная тень холма накрыла дорогу, следы стало видно хуже, и Кирилл перестал их разглядывать.

– Я вижу дым, – сказал Энди. – Это таверна. Сейчас мы увидим тех, кто оставил следы.

Можно было подумать, что Брикс отсюда видел и таверну, и ее двор, а не только почти незаметный дымок, розовый на фоне темнеющего неба. Во внезапно опустившейся темноте они подошли к забору из корявых жердей. У коновязи действительно стояла пара длинноухих мулов рядом с шестеркой лошадей. Во дворе повозки не было, а заглядывать за дом или в сарай они не собирались. Им и так понятно, что это те самые мулы и те самые лошади.

Над крыльцом ярко полыхали две керосиновые лампы. Их свет должен был приманивать из темноты припозднившихся странников. Энди толкнул дверь и остановился на пороге.

– А тут весело, Крис, – сказал он, перешагивая через человека, лежащего в удобной позе на боку у самой двери.

Человек, судя по запаху, был мертвецки пьян, но, когда рядом с ним скрипела дверь, он все же поджимал ноги, чтобы не мешать входящим и выходящим. Под перевязанной головой у него вместо подушки лежал свернутый патронташ.

За столом посреди таверны сидели двое, они сосредоточенно играли в карты, отрывисто переговариваясь: «Ставлю десять. Всего пятнадцать. Двадцать. Ответил».

Под ногами у них лежали карабины, и пояса с патронами висели на спинке соседнего стула. Кроме них, здесь не было никого. Только хозяин возился у плиты, которая стояла в дальнем углу. Он оглянулся на скрип двери и пошел навстречу вошедшим, на ходу вытирая руки своим засаленным фартуком.

Энди и Кирилл уселись за угловым столом.

– Нам, мистер, принесите для начала кофе. А потом мяса и вина, – важно произнес Брикс. – Есть место переночевать?

– В конюшне на сеновале. А вина нет, только виски.

– Виски не надо. Значит, только мяса, – сказал Энди. – Но побольше.

– Зря вы отказываетесь от виски, – прозвучал визгливый голос одного из картежников. – С дороги самое милое дело. Вон, гляньте на нашего друга. Освежился с дороги, и теперь ему хорошо, на все наплевать. Виски – это виски. А вином только дамочек угощать, чтоб не ломались.

– У них на виски денег не хватает, – добавил его компаньон.

– Денег всегда не хватает. Ты будешь делать ставку?

– Сорок.

– Открываемся.

Энди ладонью смахнул со стола крошки, огляделся и проговорил вполголоса:

– Как приятно после длинной утомительной дороги оказаться под крышей. *Под крышей* хорошо, Крис.

Кирилл тоже бросил короткий взгляд вверх и увидел, что на галерее второго этажа возле одной из трех дверей сидел на стуле бородатый ковбой с винчестером на коленях.

«Кажется, тут лучше не задерживаться. Лучше ночевать под кустом, чем в такой компании», – подумал он и сказал:

– Да, хорошо заглянуть в настоящий дом. Пусть даже ненадолго.

– Дом есть дом, – Энди кивнул. – Пусть не слишком уютный, но это дом. Надо только не зевать, а то крысы ночью ухо отгрызут.

– Эй, вы, любители вина, – насмешливо окликнул их визгливый голос картежника. – Не желаете развлечься, пока мясо жарится? Вам еще долго ждать. Мясо тут готовят не торопясь. Мы вот до сих пор никакого мяса не дождались, так и перебиваемся с кофе на яичницу. Садитесь за стол, раскиньте картишки.

– Спасибо за предложение, – улыбаясь, повернулся к нему Энди Брикс. – А только мамочка мне строго-настрого запретила играть во всякие игры с незнакомыми.

– Как хотите, – недовольно ответил картежник.

– Твой ход.

– Надоело, – сказал он. – Сколько можно резаться. Тем более, что сегодня ко мне идут одни двойки.

– Что будем делать? У нас вся ночь впереди. Сдавай.

– Черт с тобой.

Вопреки мрачным пророчествам картежника, трактирщик принес мясо довольно скоро.

– Мы кофе просили, – напомнил Энди.

– Извините, я совсем забыл.

– Какие-то проблемы? – негромко спросил его Кирилл.

– Нет-нет, все в порядке, – быстро ответил хозяин и отошел к плите.

– Эй, вы, чего там шушукаетесь? – снова раздался задиристый визгливый голос.

Кирилл услышал за спиной звук отодвигаемого стула и нетвердые шаги. Картежник приблизился к их столу и встал перед ними, скрестив руки на груди.

– Ну, и что за секреты от честных людей? – спросил он.

– А где тут честные люди? – спросил Энди, вставая из-за стола.

Картежник отступил, вглядываясь в его лицо.

– Вот это да… так вы, значит, не желаете с нами сыграть? Ну и очень хорошо, – торопливо проговорил он, продолжая отступать к своему столу. – Да и то дело, ночь на дворе. Какая уж тут игра. Все, пошли спать.

– С чего это? – удивился его партнер по покеру.

– Я сказал, спать!

Энди Брикс продолжал стоять, не сводя с них своего цепкого взгляда и держа руки на поясе. Игроки живо сгребли карты, подхватили пьяного с пола и неловко, спотыкаясь и чертыхаясь, потащили его по лестнице к своим номерам. Бородач с винчестером стоял у перил, с интересом глядя на Брикса.

Энди снял шляпу, пригладил свои короткие волосы и повернулся боком к бородатому ковбою.

– Теперь ты меня разглядел со всех сторон, – сказал он, надевая шляпу. – Доволен?

– Привет, Брикс, – сказал ковбой сверху. – Не ожидал тебя снова увидеть. Да еще живьем.

Дверь за спиной бородача распахнулась, и на галерею вышел человек с перебинтованной головой. Под черным сюртуком, накинутым на голое тело, виднелась перевязанная грудь с красными, проступающими пятнами на бинтах.

– Говорят, у нас гости? – он пошатнулся и схватился за перила одной рукой, вторая безжизненно висела вдоль тела. – Брикс? Ты ко мне?

– Нет, Барт. Я тут по своим делам, – ответил Энди.

– Надеюсь, тебе в твоих делах повезет немного больше, чем мне.

– Надеюсь.

– Ты помнишь Фрэнка, моего брата? Он только что умер.

– Жаль, – сказал Энди Брикс. И добавил уважительно: – Он был самым быстрым стрелком, кого я знал.

Раненый кивнул, принимая соболезнование, выраженное в такой сдержанной форме.

– Нас обстреляли из кустов. Засада. У колодца Бюргера.

– Тогда понятно, почему Фрэнки не успел ответить, – протянул Брикс. – Кто стрелял?

– Ребята Смайзерса.

Энди Брикс хмыкнул.

– Так он все еще тут верховодит?

– Пытается. Не хочешь поехать с нами?

– У нас нет лошадей.

– Я дам.

– Нет, Барт. Не поеду я с тобой. Неудобно будет, если по дороге попадется хозяин мулов.

– Какие еще мулы? – раздраженно поморщился раненый. – У меня брат умер, а ты про каких-то мулов. В тебе нет ни капли милосердия.

– Это точно, – кивнул Энди Брикс. – Ни капельки.

Бородатый ковбой подхватил раненого, когда тот повернулся к двери, уходя. Тот попытался оттолкнуть его, но бородач все же завел Барта в комнату и закрыл за собой дверь.

– Теперь, надеюсь, мне дадут спокойно поесть, – проговорил Брикс, возвращаясь за свой стол. – Черт, мясо остыло.

– Я смотрю, у тебя тут на каждом углу знакомые, – тихо заметил Кирилл.

– С такими лучше бы не знакомиться.

– А кто такой Смайзерс?

– Ублюдок толстопузый.

Трактирщик принес еще один ломоть мяса, и на этот раз Брикс не дал ему остыть. Потом они сидели на крыльце, слушая, как заливаются под луной полковые оркестры сверчков.

– Я боялся, что ты начнешь стрелять, – сказал Кирилл. – Просто вспотел весь, когда они начали задираться.

– Да нет, чего ради? Лет пять назад – другое дело. А теперь нам с ними делить нечего. Они просто хотели зло сорвать на ком-нибудь, – мрачно сказал Энди. – Повезло им. Не все ведь такие добренькие, как мы с тобой.

– Ну что, пойдем дальше?

– Переночуем здесь, – подумав, ответил Брикс. – Старый долг списан. Они больше не полезут. Им и так досталось.

– Я слышал. Черт побери, уже у колодца засады устраивают! – Кирилл покачал головой. – На водопое даже змея не укусит.

– Люди опаснее, чем змея. Фрэнк Келси был тоже опасен. Самый опасный противник из тех, с кем я сталкивался. Сказать по правде, я рад, что у нас с ним ни разу не дошло до стрельбы. Правда, я-то знал про его секреты, а он про мои – нет.

Знаешь, ведь Фрэнк был левша. А кобуру носил на правом бедре, как все. И там у него был большой армейский Смит-вессон. С перламутровыми щечками на рукоятке. Они сияли на солнце, глаз не отвести. Ну и все, как бараны, пялились на этот «смит». А надо было смотреть не туда, а на широкий шелковый пояс, которым Фрэнк обматывался на мексиканский манер. Потому что как раз за ним прятался второй ствол, маленький ремингтон.

Фрэнки шевелил пальцами правой руки, медленно тянулся к рукоятке – а левой выхватывал ствол из-за кушака. И готово. Правда, он всегда бил так, чтобы только ранить. Обычно – в правое предплечье. Стрелять уже не можешь, но и не загнешься. В плечо лучше не целиться – можно перебить артерию, ее хрен перевяжешь. В ногу тоже не стоит. Некоторые и на одной ноге палят без промаха. Так что, если попадешь на дуэль, бей в правое предплечье, как Фрэнк Келси.

– Спасибо за совет, – сказал Кирилл. – А у тебя какие были секреты?

Энди покосился на него с осуждающим видом:

– Крис, ты что, не понял? Я только что произнес поминальную речь по такому же подонку, как мы с тобой. Никаких иных достоинств Фрэнки не имел, и о его заслугах перед родом чело-

веческим мне тоже ничего не известно. Но он был отличным стрелком. Вот и все. А о моих секретах пусть рассказывают на моих похоронах.

Спали, не раздеваясь, в разных углах сеновала, с револьвером под рукой. Перед самым рассветом они услышали, как со двора, стараясь не шуметь, выкатывали скрипучую двуколку.

Утром они спустились в конюшню и увидели там двух лошадей – пегую и вороную. Однако новых гостей в таверне не было.

Трактирщик у плиты подлил масла на сковородку, где жарилось мясо. Аппетитный запах щекотал ноздри, и Энди с Кириллом подсели к столу, несмотря на то, что собирались выйти пораньше, не завтракая.

Трактирщик поставил на стол бутылку вина.

– Ваши друзья увезли раненого и двух покойников, – сказал он. – А лошадей оставили. Это для вас.

– Я так и понял, – кивнул Энди. – И вино от них?

– Вино они нашли в повозке, – сказал трактирщик. – Оставили мне. Сказать по правде, я не думал, что все так хорошо закончится. Это же сам Барт Келси! Про него и его брата Фрэнка рассказывают всякие истории...

– О Фрэнке больше ничего не расскажут, – сказал Энди. – По крайней мере, ничего плохого.

8. В пустыне становится тесно

Таверна стояла как раз на границе пустыни. За ней дорога спускалась в просторную долину, до самого горизонта покрытую травой. Серебристые волны перекатывались по изжелта-зеленому пространству, кое-где размеченному одинокими деревцами. В этом море травы, однако, можно было путешествовать, сверяя путь не только по солнцу или компасу. Всадники легко различали колею, промятую в травах фургонами. Возможно, последний фургон прошел здесь месяц назад, но трава до сих пор хранила его следы огромных колес, обитых железом, и рытвины в дерне, выбитые грузными медлительными волами.

Кирилл уже знал, что это не индейцы. Копыта их неподкованных лошадей не рвали дерн. А свои нехитрые грузы индейцы перевозили на волокушах: пара длинных жердей, застеленная шкурой бизона, скользила по траве, как сани по снегу.

Их лошади неторопливо шагали по траве вдоль колеи, спугивая мелких птиц, которые с треском выпархивали из-под копыт.

– Кажется, кто-то скачет за нами, – вдруг сказал Энди, обернувшись.

Кирилл долго вглядывался из-под руки, прежде чем заметил три маленькие точки.

– Похоже на то. Но как ты мог их заметить?

– Услышал. – Энди остановился. – Хорошее место, чтобы выпить кофе.

Кирилл немного удивился такой неожиданной передышке. Сердце его забилось сильнее, когда он увидел, как Энди прячет револьвер в сумку с продуктами. Перехватив его взгляд, Брикс подмигнул:

– Помнишь, чему я тебя учил?

– Ты о чем?

– О том, что с любым подонком надо говорить очень вежливо. Не знаю, куда они так спешат. Но если они гонятся за нами, то лучше остановиться. Терпеть не могу погонь. Да, их трое, а нас двое. Но запомни, Крис – в перестрелке всадник всегда проигрывает противнику, который стоит на земле.

Он подсел к сухому кусту, с треском отламывая ветки для костра. А Кирилл быстро составил очаг из нескольких камней, достал кофейник, кружки и галеты.

Когда вода в кофейнике начала шуметь, к ним подскакали трое всадников на разгоряченных лошадях. Один из них подлетел прямо к костру, круто осадив коня, ронявшего пену с оскаленной морды. Узко посаженные глаза всадника пылали гневом, а длинный крючковатый нос вздрагивал от злости.

– Эй, вы! Откуда вы тут взялись, на нашей земле?

– Из Иллинойса мы, – с самым простецким видом ответил Энди. Он высыпал кофе в кипяток и ловко снял кофейник с огня, как только над ним выросла шапка желтой пены. – А вы, парни, откуда?

– Мы с ранчо «Две решетки», – многозначительно произнес длинноносый всадник.

Он словно ожидал, что после этих слов все должны вскочить навытяжку. Но Энди был слишком занят кофейником, а Кирилл продолжал задумчиво жевать травинку, сидя на камне.

– Вы развели огонь на пастбище Билла Смайзерса, – еще более многозначительно произнес длинноносый. – У вас в Иллинойсе что-нибудь знают про частную собственность?

– Да-да, – сказал Энди, разливая кофе по кружкам. – Что-то такое слышали. Говорят, что частные владения принято огораживать. Неужели это правда?

Кирилл попробовал кофе и сморщился:

– В следующий раз наливай кипяток в кофе, а не наоборот. А сахар где?

– В мешке возьми, если ты такой неженка.

Он оставил свою кружку на траве и отошел к мешку с продуктами, который лежал в стороне.

– Вы поедете с нами, – сказал длинноносый. – А чья это пегая кобыла?

– Моя, – скромно ответил Брикс.

– Да? И это роскошное седло тоже твое?

– Да, мое. С сегодняшнего утра.

– Собирайтесь, – сказал всадник. – Шерифу будет очень интересно узнать, почему какой-то янки из Иллинойса раскатывает на лошади Фрэнка Келси.

«Шериф? Нельзя нам к шерифу, – подумал Кирилл, нащупав в мешке рукоятку револьвера. – Никак нельзя. Как поступит шериф, если узнает, что перед ним беглый каторжник и юнга, перестрелявший мирных моряков? Постой, а откуда он это узнает? Нет, все равно – нельзя нам к шерифу».

– Присядьте к нашему очагу, – Энди дружелюбно улыбнулся. – Шериф никуда не денется за то время, пока мы пьем кофе.

– Я не собираюсь тут с вами рассиживаться! Эй, парень… – длинноносый повернулся к Кириллу. И осекся, увидев наведенный на него револьвер.

– Оружие на землю, – попросил Кирилл.

Он держал кольт двумя руками, целясь между глаз длинноносого ковбоя, и тот так и застыл с открытым ртом, скорее от удивления, чем от испуга.

У Энди тоже появился револьвер в руке, и его граненый ствол был направлен на двоих других всадников.

– Спокойно, парни, – сказал Энди. – Спорим, что я успею продырявить обоих раньше, чем вы вспомните, с какого боку у вас кобура?

– Мы люди Билла Смайзерса! – покраснев, угрожающе сказал длинноносый.

– А мы сами по себе, – сказал Кирилл. – Оружие на землю.

– Да мы вас… мы вам… – закипятился длинноносый, однако руки держал на виду и даже не пытался потянуться к кобуре.

– Да-да, все понятно, – перебил его Энди. – Парни, расстегните свои пояса и пусть они спокойно свалятся на землю, вот и все!

– Вы еще пожалеете! – продолжал грозить длинноносый.

– Да ладно тебе кипятиться, Мендоса, – сказал один из его спутников, расстегивая пояс. – Все равно они никуда не денутся.

Оружие с лязгом упало на сухую траву.

– «Шарпсы», – напомнил Энди. – Брать за приклад.

Они вытянули карабины из седельных чехлов и бросили под ноги своих лошадей.

– А теперь поворачивайте туда, откуда примчали, – скомандовал Брикс. – Ваши стволы мы оставим на первой попавшейся ферме.

Ковбои Смайзерса развернули коней и потрусили обратно, злобно оглядываясь.

– Мы их отпустим? – спросил Кирилл, продолжая целиться им вслед. – Это же те самые! Люди Смайзерса! Они убили твоих знакомых.

– Ну и что? Кофе остывает, – напомнил Энди. – Крис, ты меня заставил поволноваться. Ты же чуть не выстрелил! Так?

– Наверно. Если б он дернулся…

– Ты пойми, нам здесь жить! – с неожиданной горячностью вскинулся Энди. – Хочешь пострелять – поезжай куда подальше, где тебя никто не знает! Мы их застали врасплох и обезоружили, что еще надо?

– Мне ничего не надо, – Кирилл пожал плечами. – Но теперь у нас с тобой появились новые враги.

Энди замолчал и не проронил ни слова, пока они пили кофе.

Они тщательно загасили угли и придавили золу камнями. Оружие незадачливых стрелков Смайзерса было уложено в два вьюка, Энди взял себе только карабин.

После отдыха лошади поначалу пошли резвее, но их рвение скоро угасло, не встретив поддержки седоков.

Навстречу им по прерии тащился фургон, запряженный четверкой волов.

Они остановились, поравнявшись с волами. Встал и фургон. Возничий настороженно глядел на них с высоты своего облучка, как с капитанского мостика.

– Здравствуйте, хозяин! – Брикс приподнял шляпу.

– Какой, к черту, хозяин, – ворчливо ответил седой мужчина в комбинезоне. – Хозяин тут Билл Смайзерс, а мы – простые фермеры. Мы все просто мусор для него. Вы, небось, тоже из его команды?

– Мы сами по себе, – сказал Энди. – Едем в Каса Нуэва.

– Это не мое дело, но Смайзерса вам не объехать, – озабоченно сказал фермер. – Он обносит сейчас все пастбища забором из колючей проволоки.

– Договоримся. А вы куда направляетесь?

– В Оклахому, на Индейскую Территорию. Здесь нам житья не будет. А там много свободного места. И люцерна там растет не хуже, чем здесь.

– Зачем же забираться так далеко?

– Здесь нам житья не будет, – повторил фермер. – А в Оклахому никакие янки не сунутся. Индейцев побоятся.

– Думаете, с индейцами проще ужиться, чем с северянами?

– Там индейцы мирные – кайова, чероки, семинолы. Я и не с такими уживался. Даже с сиу ладил. А вы, значит, нацелились на Каса Нуэва? Ну, мне все равно, но только готовьте патроны. Дальше тропа уже перекрыта проволокой. Когда я проезжал там, ее как раз натягивали. А вдоль ограды охранники гарцуют.

– Ну и пусть себе гарцуют, – пренебрежительно усмехнулся Энди. – Мы – люди мирные, зла никому не делаем, только добро. Мы их попросим, они нас пропустят.

И он выразительно похлопал по своему карабину.

– Не зевайте на ходу, парни, – сурово крикнул фермер, ткнул вола длинной палкой, и огромные колеса фургона с завыванием стронулись с места.

Энди Брикс привстал в стременах, оглядываясь.

– Ты посмотри, Крис, какой простор. Сколько земли. А из-за ублюдка Смайзерса людям даже здесь становится слишком тесно. А ведь несколько лет назад его и за человека не считали. Знали, что есть такой толстяк. Знали, что скупает ворованную скотину. А теперь, выходит, он тут – самый главный ублюдок. Армию набрал, проволоку натягивает. Ну, значит, мы очень вовремя подоспели. Чует мое сердце, скоро тут начнется заваруха.

Лошади понесли их вперед, с места взяв резвую рысь. Кирилл все поглядывал на Энди, стараясь перенять его манеру сидеть в седле – с прямой спиной, чуть откинувшись назад. Оказалось, что это совсем не так просто. Зато, освоившись, он стал меньше уставать. Скоро он уже считал, что главное изобретение человечества – это седло.

Ему нравилась его новая жизнь. Нравилось, что все вокруг относятся к нему, как равному. Впрочем, здесь и в самом деле все были равны.

Перевалив через холм, они съехали с дороги, пропуская тяжело груженую телегу. Работники шли следом, на ходу вытягивали из штабеля столбы и бросали их в траву у дороги. Проехав еще пару миль, Энди остановился, вглядываясь вперед, туда, где поднимался прозрачный дымок.

– Эти люди не тратят время зря, – сказал он.

Вокруг костра сгрудились человек двадцать. Это были землекопы, которые устанавливали столбы для ограды, сброшенные с телеги – их ровная шеренга уже выстроилась вдоль

дороги, исчезая вдали. Там, где столбы сливались с горизонтом, маячили на фоне желтого закатного неба три высоких грузовых фургона.

– Дело поставлено с размахом, – сказал Брикс, из-под ладони разглядывая даль. – Из фургонов выгружают мотки колючей проволоки. Если бы они могли работать ночью, к утру вся прерия была бы огорожена.

Он повернулся в седле, обводя взглядом волнистую линию холмов.

– Переночуем здесь, – сказал он. – Рядом с землекопами. Они наверняка не поедут отсюда на ранчо, чтобы время не терять.

– Переночуем? – удивился Кирилл. – Ты не очень-то спешишь в Каса Нуэва.

Вместо ответа Энди кивнул в сторону заката.

– Видишь дымы?

Кирилл пригляделся и увидел две тонкие вьющиеся нити, косо поднимающиеся над линией холмов. На фоне пепельно-розовых облаков дымы казались зелеными.

– Ну, вижу. Что-то горит, – сказал он. – Может, такие же землекопы сидят и жгут костры.

– Это команчи.

– Как ты их разглядел?

– Я разглядел следы неподкованных копыт, – сказал Энди. – Если б мы шли пешком, я бы не остановился. Но двух всадников команчи не пропустят. Очень уж они любят лошадей, особенно чужих.

– Может, рискнем? Неужели мы не отобьемся? У нас столько оружия…

– Спящему никакое оружие не поможет, – усмехнулся Энди. – Мы с тобой заснем у костра. И если повезет, наутро проснемся. Без лошадей. И без скальпов. Нет уж, в прерии лучше ночевать в большой компании.

9. Ночь у костра

На ночь к стоянке землекопов подтянулись четыре грузовых фургона, и их поставили квадратом. В проемах сгрузили мотки колючей проволоки. Внутрь квадрата завели лошадей, люди расположились в фургонах, а у костра остались ночные дозорные.

Энди и Кирилл расстелили свои одеяла под колесами фургона. Брикс принялся похрапывать, как только коснулся головой седла. А Кирилл еще долго прислушивался к ночным разговорам.

Его будоражили рассказы о налетах апачей на одинокие фермы и караваны переселенцев. Больше всего пугало в рассказах то, что с апачами невозможно было договориться. Они не отказывались от переговоров, но парламентеров подпускали только на расстояние прямого выстрела, и на белый флаг отвечали пулей.

Дозорные сидели так, что низкое пламя не освещало их. Толстые ветки и сухие корни горели между валунами, и умело устроенный костер отгонял яркими отблесками черноту ночной прерии, но не задевал своим светом ни тех, кто сидел у него, ни фургонов за их спинами.

Со стороны могло показаться, что у огня переговариваются невидимки.

– И откуда взялись тут апачи? Не было их здесь никогда.

– Говорят, их согнали с земли. А жили они в Калифорнии.

– Ну, так пусть и разбойничают в своей Калифорнии. При чем тут наши фермеры?

– Ты думаешь, они только фермеров грабят? От них всем достается, и белым, и индейцам. Это же апачи. Они только грабежом и живут.

– Бандиты, одним словом. Перебить их всех до единого надо.

– Они не бандиты, – прозвучал снисходительный голос. – Они живут так, как их заставляют жить. Им всю жизнь приходилось воевать с мексиканцами. Когда мы пришли в Техас и Нью-Мексико, апачи нас приняли. Среди них даже сейчас много мирных.

– Как и среди нас.

Дозорные засмеялись. Их короткий смех вдруг оборвался, и они вскочили на ноги, сжимая свои карабины. Кирилл тоже насторожился под фургоном. В темноте послышался перестук множества копыт.

Дозорные быстро залегли за фургонами, у костра остались только три кружки, над которыми еще поднимался пар.

Громкий ковбойский выкрик «йя-аху!» прозвучал в темноте, предупреждая дозорных о том, что к ним приближаются свои. В свете костра остановились кони, сверкая зубами. И пятеро всадников спрыгнули на землю, громко бряцая шпорами и оружием.

– Вылезайте, хватит прятаться! – насмешливо проговорил один из них, и Кирилл узнал по голосу длинноносого ковбоя, чей карабин сейчас лежал у него под боком. – Эй, Васкес! От кого ты таких крепостей понастроил?

– От любителей покататься на чужих лошадях, – выходя на свет, сказал один из дозорных.

Он снова сел к костру и поднял с песка свою кружку.

– Томми, заведи коней за фургоны, – распорядился длинноносый. – В этой гостинице конюшня внутри, а люди спят снаружи, как собаки.

– Ты зря ехидничаешь, – сказал один из всадников. – Индеец может увести лошадь даже днем, и ты ничего не заметишь. А про ночь я и не говорю. Может, сейчас вокруг нас уже залегли команчи.

– Я бы их носом учуял. Томми, поставил лошадей?

– В уголок, всех рядом.

– Это хорошо. Пегую не видел?

– Там она. Я ее враз узнал. Шея белая, круп бурый. Седло мексиканское, чепрак под седлом меховой.

– Я так и знал! – Длинноносый сел на корточки у костра и, плюнув в костер, спросил дозорных: – Вы, парни, знаете, чья кобыла у вас ночует? Это лошадка Фрэнка Келси.

– Да ну. А где он сам?

– Мы попросили его держаться подальше. Очень хорошо попросили. Так что больше вы его не увидите.

Всадники расселись вокруг огня. Кирилл, прячась за колесом, разглядывал своих врагов.

– Я еле-еле дотерпел, когда их компания подъезжала к колодцу, – качая головой, говорил один. – Руки так и чесались, чтоб разрядить в этого щеголя весь магазин.

– У Фрэнка из спины вылетел здоровый кусок мяса, – вторил ему другой. – Я сам видел, как он прилип к ограде колодца…

– Жалко, что остальные успели залечь за оградой.

– Да, ограда их спасла. Было бы нас тогда побольше, мы б их не выпустили.

– Ничего-ничего. Неплохо мы их проучили. Будут знать.

Длинноносый отошел от костра и направился к лошадям. Походив среди них, он вернулся и сказал:

– Да, пегая та самая. И вороная на месте. Кто на них приехал?

«Чего он хочет? – думал Кирилл. – Навалиться на нас, пока мы спим? Тогда к чему все эти разговоры? Он уже узнал лошадей, что еще ему нужно? Сейчас землекопы покажут ему, где мы легли, и все. Надо бы разбудить Брикса…»

Но он не стал будить приятеля. Почему-то ему казалось, что длинноносый Мендоса вовсе не стремится затевать свару.

– Кто на них приехал?

– Не наши. Двое парней с нами ночуют, – сказал дозорный.

– Что за парни? – спросил длинноносый. – Один постарше, второй совсем мальчишка?

– Точно. Ты их знаешь?

– Не ваши, значит… – Мендоса оглядел своих стрелков и сказал: – Ну, пусть двое. Двое так двое. Как же вы их пустили к себе, и даже не спросили, кто они такие?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.